

Анастасия
ГРАДЦЕВА

БЫВШИЕ

Снова ты!

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анастасия Градцева

БЫВШИЕ. Опять ты!

<https://litres.ru/74182583>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я хочу, чтобы ты ко мне вернулась.

— Что, прости?

— Я хочу, чтобы ты вернулась.

Пять лет назад я развелась с мужем и только-только привыкла жить без него. У меня все хорошо: взрослая дочь, любимая работа, за которую я держусь зубами, и легкий роман с коллегой.

Но когда моим новым начальником оказывается бывший муж, все летит к черту. Старые обиды никуда не делись, но между нами все еще искрит. И что делать с этим притяжением — непонятно.

Содержание

Глава	4
Глава 2.	10
Глава 3.	19
Глава 4.	28
Глава 5.	38
Глава 6.	49
Глава 7.	57
Глава 8.	66
Глава 9.	76
Глава 10.	86
Гл	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Анастасия Градцева

Бывшие. Опять ты!

Глава

Глава 1.

— Катя, а ты на чем катаешься? — спрашивает меня Андрей, возбужденно блестя глазами. — Лыжи? Или сноуборд? Я вздыхаю.

«Санки, — хочется сказать мне. — Знаешь, ледянка такая, чтобы сесть на нее попой и съехать с горки. Вот в таком катании я спец».

Но, кажется, не такого ответа от меня ждут.

— У меня сноуборд, я с собой свой привез, но тут можно и в аренду взять, — продолжает Андрей. — Завтра с утра вместе на гору двинем, да?

— С утра? — пугаюсь я.

— Конечно, с утра самый классный снег. Будем вдвоем кататься! — Он подмигивает мне. — Удачно получилось, правда? Считай, что у нас с тобой романтический отпуск, но за счет компании!

Я кисло улыбаюсь и помешиваю ложечкой кофе.

Все-таки я человек старой закалки. Для меня романтика — это поездка куда-нибудь вдвоем, без толпы коллег вокруг,

а еще вкусная еда и много секса.

И никаких лыж, сноубордов и ранних вставаний.

Но Андрей, похоже, другого мнения.

Эх, трудно быть самой взрослой в молодой команде старта. Даже мой начальник младше меня на несколько лет.

И вроде сорок — это не так много, но когда я смотрю на тридцатилетнего Андрея, с которым у нас внезапно случился служебный роман, все-таки не могу отделаться от ощущения, что между нами пропасть.

За его плечами престижный университет, веселая юность, которая, собственно, еще не закончилась, поддерживающие родители, своя квартира и работа, которая его не парит.

За моими плечами — ранняя беременность, долгий брак, некрасивый развод, взрослая дочь и старт карьеры с нуля.

Мы разные, Андрей.

Но мужское внимание — это приятно и полезно для здоровья, поэтому я решила, что один небольшой романчик мне не повредит.

Тем более даже Лиза, моя умная взрослая дочка, которой уже девятнадцать (господи, как быстро время летит!), сказала, чтобы я перестала себя закапывать раньше времени и начала встречаться с мужчинами.

— Лиза, мне сорок, — устало напомнила я. — Какие мужчины?

— Мама, это не возраст! Ты что, не слышала, как говорят, что сорок — это новые двадцать?

— Да-да, а семьдесят — это новые пятьдесят, — хмыкнула я. — Только с маразмом в комплекте.

— Вот ты смеешься, а папа, между прочим...

— Боюсь, я ничего не хочу слышать про твоего папу, — резко перебила я.

Ни капельки не сомневаюсь, что Сафонов и на смертном одре будет блядовать.

Но знать об этом мне вовсе не хочется.

Мне кажется, я и на ухаживания Андрея ответила ответила исключительно ради того, чтобы мысленно утереть нос бывшему мужу.

Вдруг он спросит про меня у дочки, а она скажет, что вот мама...

Хотя нет, не спросит.

Я же про него не спрашиваю.

— Катя! — вдруг гремит голос моего шефа. — Ты тут? А я тебя ищу!

— Привет, Виталь, что такое?

— Ты мне нужна! — объявляет он. — По очень важному делу.

— Виталь, у нас тут вообще-то... — хмурится Андрей.

— Подождет ваша романтика, — отмахивается шеф. — Катя, давай. Это правда важно.

Наш Виталя, конечно, выглядит несерьезно — милая лы-

сина, круглый выступающий живот под рубашкой, аккуратные очочки — но это только внешность, за которой скрывается невероятный мозг и деловая хватка.

Именно он начал тот стартап, куда меня пять лет назад взяли буквально с улицы.

Виталья придумал приложение очень узкой направленности — чисто для горнолыжных курортов. Оно коннектилось с отелями, показывало сложность трасс, помогало подбирать инструкторов, через него можно было заказать одежду, оборудование и даже найти себе компанию для катания.

Сначала все на рынке считали, что это полная ерунда, но Виталья верил в свою идею, и сейчас нашим сервисом пользуются все российские горнолыжные курорты и еще несколько мировых.

И все это за пять лет!

В общем, Виталья — просто гений, я ему абсолютно доверяю, и поэтому, если он говорит, что надо куда-то пойти, я иду.

Даже если официально у меня сейчас отпуск.

— Катя, — шепчет он, пока мы идем по коридору в сторону второго бара, — есть важная новость, которую я говорю пока только тебе.

— Надеюсь, хорошая? — напрягаюсь я.

Вдруг меня решили уволить?

Я свою работу ценю, не хотелось бы ее менять на что-то другое.

Тем более, что в моем возрасте найти должность, где будет достойная зарплата, не так-то просто.

— Хорошая, — убежденно говорит Виталя. — С большими перспективами. В общем слушай, только не падай: наш стартап и всю нашу команду купил «Аксис».

— Что?!

Аксис?!

В голове звенит нехороший звоночек, интуиция поднимает голову, но я одергиваю себя.

Что за паника?

В конце концов, Аксис — это огромная компания, в которой работают тысячи людей. Крупнейшая цифровая система страны.

— Представляешь? — продолжает Виталя. — Сам Аксис! Значит, увидели в нас перспективы. Теперь это будут совсем другие деньги и совсем другой уровень. Как только выйдем после новогодних праздников, начнем сотрудничать с их менеджерами.

— Хорошо, — осторожно говорю я, потому что пока не понимаю, чем это грозит лично мне.

— Так вот, зачем я тебя позвал: топ-менеджер, который будет работать с нами и лично с тобой как с руководителем нашей команды, тоже здесь отдыхает. Мы с ним сегодня совершенно случайно встретились и решили, что это хороший повод познакомиться вам в неформальной обстановке. Со-

гласна со мной?

— Наверное, — бормочу я, захожу вслед за Виталей в бар и застываю на пороге.

Эту линию плеч и широкую мощную шею я узнаю из тысячи.

Предупреждающий звоночек превращается в орущую сигнализацию, и все во мне кричит, чтобы я развернулась и убежала.

Но бежать, к сожалению, некуда.

Вместе со своим боссом я иду к барной стойке. Сидящий за ней мужчина — тот самый, с шеей и плечами, — разворачивается и скидывает темную бровь.

— Александр, здравствуйте, — широко улыбается Виталя и пожимает протянутую ладонь. — Вот, как и обещал, представляю вам Екатерину. Нашего тимлида.

— А мы знакомы, — с усмешкой говорит Александр Сафонов, он же мой бывший муж. — Правда, Катя?

Глава 2.

От волнения у меня влажные ладони, а пульсацию сердца я ощущаю аж в горле.

Слишком внезапная встреча, я была к ней совершенно не готова.

Не для того я пять лет общалась с бывшим мужем исключительно в чате и исключительно по вопросам дочки, чтобы вот так столкнуться с ним лицом к лицу.

Да еще и в той ситуации, когда нельзя никуда сбежать.

— Кать, вы реально знакомы? — вытаращивается Виталя.

— Знакомы, — неохотно признаю я и тут же быстро добавляю: — По работе.

А сама сверлю взглядом Сафонова.

Надеюсь, у него хватит мозгов не светить, что мы бывшие муж и жена?!

Любой дурак поймет, что личные отношения мешают делу. Особенно если это очень напряженные личные отношения.

А Виталя не дурак. Он сразу меня уберет с проекта, если узнает.

— Да, по работе, — после короткой паузы соглашается Сафонов.

За то время, пока мы не виделись, у него стало больше проседи в темных волосах, но в остальном он почти не изме-

нился. Все еще выглядит отвратительно привлекательным, подтянутым и излучающим уверенность.

Это обидно!

Мог хотя бы пузо отрастить. Или лысиной обзавестись.

Он вообще в курсе, что мужчины после сорока стареют? Или ему забыли об этом рассказать?

Черт, да Сафонов выглядит лучше, чем Андрей в свои тридцать. Правда, Андрей любит вкусно поесть и не очень любит спорт, а мой бывший муж спортзал никогда не пропускал.

Даже тогда, когда был нужен мне — дома.

— Знакомы, значит. Надо же, как удачно, — слегка растерянно говорит Виталя. — Тогда я даже не знаю, что мне сказать. Я хотел представить вам Катю и рассказать про ее опыт, но...

— Хотели — значит, рассказывайте, — скучающим голосом сообщает Сафонов.

— Но вы, получается, и так в курсе.

— Мы виделись очень давно. Поэтому я бы послушал. Всегда полезно понимать, с кем мы будем иметь дело.

Но едва Виталя открывает рот, уже готовый меня расхваливать, как Сафонов вдруг добавляет:

— Только пусть Катя сама про себя расскажет.

Я вспыхиваю.

Это такой способ поиздеваться?

Он хочет выставить меня некомпетентной душой перед

моим начальником?

Сжимаю зубы и гордо вскидываю подбородок.

Мне нечего стыдиться.

— Я не так давно в профессии, — с вызовом говорю я, глядя в глаза бывшему мужу. — Пять лет назад я пришла в стартап junior-разработчиком после интенсивных курсов и года самостоятельной подготовки. Первый год закрывала простые задачи, разбиралась в архитектуре проекта. Через два года стала middle, потом senior. Последние два года я тимлид команды из шести человек. Отвечаю за планирование спринтов, распределение задач, code review, онбординг новых разработчиков. Плотно работаю с продуктом — участвую в оценке фич, декомпозиции, приоритизации. Что еще рассказать?

— Катя — уникальный специалист, — все-таки влезает Виталия. — Она настоящий лидер своей команды, умеет всех собрать, замотивировать, а еще у нее фантастическая стрессоустойчивость.

У меня краснеют щеки, как у маленькой.

Зачем он меня так нахваливает? Еще и перед бывшим мужем, который постоянно повторял, что айти сфера — не женское дело. А еще говорил, что у меня не хватит образования и сил, чтобы освоить новую профессию.

А я ведь верила. И только после развода, когда терять было уже нечего, рискнула заявиться на вакансию стажера. И Виталия меня взял. Меня — тридцатипятилетнюю тетку, с

незаконченным высшим образованием и всего с двумя годами трудового стажа по профессии учитель математики.

Работник мечты, правда?

— До сих пор считаю, что нашел настоящий бриллиант, когда взял Катю на работу, — добавляет Виталья, и я едва не давлюсь воздухом.

Бриллиант!

Это уже перебор с его стороны. Серьезно.

Я жду издевательского смеха от бывшего мужа, но Сафонов внезапно говорит:

— Согласен с вами. За пять лет подняться от джуниора до тимлида могут единицы. Для этого нужен не только талант, но и огромное трудолюбие. Я буду рад поработать с Катей, думаю, она будет очень полезна для проекта.

У меня натурально отвисает челюсть.

Подождите-ка, он меня... похвалил?!

Или я что-то не поняла и это было каким-то скрытым издевательством?

Но лицо у бывшего мужа серьезное, а Виталья кивает ему.

— Наша Катя — золото, — убежденно говорит он.

— Ой все, прекрати меня хвалить, — закатываю я глаза.

— А то я еще поверю и буду требовать повышения зарплаты.

— Зарплатные ожидания лучше теперь обсуждать со мной, — сообщает Сафонов. — Но об этом мы, наверное, позже поговорим, да, Катя?

— Да, Александр, — отвечаю я голосом прилежной уче-

ницы.

— Лучше просто Саша, — поправляет бывший муж. — Мы же все-таки... — Тут его жесткие губы изгибаются в усмешке. — Не чужие люди.

— Конечно, не чужие, — сладко улыбаюсь я в ответ, — Мы все в нашей компании как одна большая дружная семья.

Виталья подозрительно на нас смотрит, но ничего не говорит.

Когда мы выходим из бара, оставляя там Сафонова вместе с его стаканом виски и бесящей самоуверенностью, мой начальник задумчиво спрашивает:

— Кать, а я что-то не понял, как вы с ним по работе знакомы, если ты до нас в айтишке совсем не работала? Или я чего-то не знаю?

— А я дочку его учила, — быстро нахожусь я. — Математике.

И ведь не вру.

Правда же учила. И его, и свою дочку.

Я ведь не уточняю, что это один и тот же человек.

— Слушай, Виталья, я пойду в номер отдохну, ладно? — говорю я начальнику.

— А тебя там Андрей разве не ждет? — удивляется он.

— Ждет, но... Я напишу ему. Ну или сам ему скажи, если встретишь, что у меня голова разболелась.

— Голова? — сразу тревожится начальник. — У меня есть обезбол, могу принести.

Я фыркаю.

— Виталя, мне сорок лет! У меня с собой столько обезбола, что я могу им всю команду обеспечить. Без шуток.

— Ну ладно. Тогда отдыхай.

— Спасибо.

Виталя колеблется, но все же добавляет:

— И про покупку компании ребятам пока не говори, хорошо? Даже Андрею.

— Естественно, — немного оскорбленно говорю я.

Я вроде не похожа на дурочку, которая будет сливать своему любовнику инсайдерскую информацию.

— Я знаю, что ты не будешь, — твердо говорит он, — но я так, на всякий случай. И еще моя личная просьба: Кать, будь с этим Александром повежливее. Может, он и твой знакомый, но сейчас это топ-менеджер, который будет вести наш проект. Мы от него финансово зависим. Не хотелось бы проблем.

В груди неприятно холодеет.

Может, стоит сказать боссу правду?

Ага, сказать. И остаться без этого проекта, а может, и вообще без работы, если всю нашу компанию теперь будет курировать Сафонов.

— Конечно, Виталь. Я все понимаю, — криво улыбаюсь я. — Проблем не будет, обещаю.

Пока иду по коридору к лифту, искренне радуюсь, что не поддалась уговорам Андрея жить в одном номере. Все-таки

с годами начинаешь ценить личное пространство.

Я даже ни разу не оставляла Андрея у себя на ночь, хотя Лиза с сентября съехала и живет отдельно. Просто не могу себе представить, что буду снова с кем-то спать в одной кровати. Даже если этот кто-то — довольно приятный мужчина.

Когда мы с Сафоновым развелись, я чувствовала огромное облегчение. Все время, кроме ночи. Ночью почему-то его не хватало — сонного ровного дыхания рядом, тяжелой руки, закинутой на меня, ужасных утренних шуток и приставаний.

Наверное, просто привычка. Все же мы четырнадцать лет были женаты. И все четырнадцать лет, до последних месяцев, когда все стало совсем плохо, ложились в одну кровать.

К счастью, за пять лет я от него отвыкла.

И, боже мой, как же я была счастлива, когда Лизе в прошлом году исполнилось восемнадцать. Потому что официальные алименты закончились, и отпала необходимость даже списываться с Сафоновым. Деньги он, конечно, дочери продолжает давать, но теперь это все идет через нее. Я в этом никак не участвую.

И только я мысленно освободилась от бывшего мужа насовсем, как добрый вечер — он тут как тут.

И мы теперь будем вместе работать.

Каким-то непонятным образом.

У меня нехорошо крутит в животе от неприятных предчувствий: ведь именно Сафонов был против того, чтобы я

работала в сфере айти. В его сфере — куда он ушел сразу после того, как блестяще защитил кандидатскую.

— Я хочу снова выйти на работу, — сказала я ему однажды, когда стало ясно, что Лизино здоровье налаживается и мне уже не нужно постоянно за ней следить.

— Прекрасная мысль, — отозвался муж. — Поддерживаю всеми руками, Катюш. В школу пойдешь? Или репетитором?

— Ни то, ни другое. Я хочу попробовать себя в айти.

— Глупости, — резко возразил он.

— Почему?

— Кать, — снисходительно вздохнул он тогда. — Сама подумай. Ну кем ты там будешь? Женщины у нас в основном тестирующими работают, но тебе это вроде как не по статусу уже. А для программирования у тебя склад ума не подходит.

— Саша, — я тогда прямо разозлилась, — мы с тобой вообще-то на одном факультете учились. Математический называется. И ты мне еще будешь про склад ума что-то говорить?

— На одном, ты права. Вот только ты его не закончила.

— Не закончила, потому что родила от тебя! — закричала я. — И сидела в декрете, пока ты учился.

— Да, я учился! — рявкнул муж. — Днем учился, а по ночам работал, чтобы вас обеспечивать! Мы достижениями и жертвами ради семьи сейчас меряемся, или что?

Воспоминания так ярко встают перед глазами, что рот

сводит горечью.

Мы тогда первый раз на моей памяти так сильно поругались.

Потом, конечно, помирились, как и всегда, но что-то в тот вечер во мне надломилось.

Я нажимаю на кнопку вызова лифта, жду — довольно долго, потому что он зависает где-то на цокольном этаже. А когда двери наконец открываются, я рефлекторно делаю шаг внутрь, но застываю на месте.

В лифте стоит мой бывший муж.

— Ты телепортировался что ли? — грубо спрашиваю я.
— Только же в баре сидел.

— Я допил свой напиток, расплатился, сходил вниз, чтобы забронировать массаж в велнесе, вызвал оттуда лифт, чтобы подняться к себе в номер. И вот я тут, — любезно отвечает он. — Допрос окончен, госпожа следователь, или есть ко мне еще какие-то вопросы?

Глава 3.

Мда.

Типичный Сафонов с его подъебками к месту и не к месту.

— Ты совсем не изменился, — сухо констатирую я.

— В нашем с тобой возрасте это комплимент, Катя, — ухмыляется он.

— Только не в твоем случае.

— А вот сейчас было обидно! Тебе на какой этаж?

— Седьмой. Но я, пожалуй, подожду следующий лифт, — сообщаю я. — У меня и так передоз общения с тобой, боюсь не выдержать.

Сафонов вздыхает и отодвигается к самой стенке.

— Заходи, Кать. Я не кусаюсь.

— Очень даже кусаешься, — парирую я, но делаю шаг вперед. — Мне ли не знать.

Мы встречаемся взглядами с бывшим мужем и, кажется, оба вспоминаем одно и то же: как однажды Саша в порыве страсти укусил меня прямо за задницу, и это было больно!

Я орала, он ржал, за что был нещадно избит подушкой и потом задабривал меня поцелуями и шоколадками. А на моей пятой точке еще неделю красовался отпечаток его зубов.

Глупое воспоминание. Идиотское, можно сказать.

Но почему-то от него становится жарко.

Никто и никогда не хотел меня так, как Сафонов. Никто

из двух с половиной мужчин, с которыми я пыталась встречаться после развода (половинка — это тот, кто сбежал с середины свидания), не вел себя в постели как жадный собственник, до безумия обожающий мое тело.

Не к месту думаю, что Андрею даже в голову не пришло бы меня укусить. А если бы и да, он точно сначала бы спросил разрешения.

Он на все спрашивает разрешения.

Катя, можно я тебя тут поцелую? Катя, можно я вот так на тебя лягу? Катя, а ты не против, если я...

Принципы активного согласия — это, конечно, прекрасно, но, блин! Если уж я дошла с тобой до постели и несколько раз повторила, что мне все нравится, разве нельзя расслабиться, перестать спрашивать и хоть на миг превратиться в горячего страстного самца?

Я тихо вздыхаю, прикусываю губу, немного заведенная собственной фантазией, и ловлю взгляд Сафонова.

Он сглатывает, на его мощный шее дергается кадык, а в темных глазах вспыхивает желание.

Так было всегда: ему достаточно было намека, легкого касания или даже одного моего взгляда, чтобы возбудиться. Сильное либидо, мощный темперамент, разгон с нуля до ста, как у болида «Формулы 1».

Похоже, за прошедшие пять лет он этого не растерял.

Двери лифта с резким звуком закрываются, и мы оба вздрагиваем.

— А кнопку так никто и не нажал, — бормочу я, выискивая на панели квадратик с цифрой «7».

— Ага, — хрипло соглашается бывший муж. — Ты меня заболтала.

— Как всегда во всем виновата я, — саркастично хмыкаю я.

— Я не говорил, что это плохо, — миролюбиво возражает он. — Тем более мы все равно никуда не торопимся.

На пару секунд повисает пауза.

— Я не знал, что ты тут будешь, — зачем-то сообщает мне Сафонов. — Лиза сказала, что ты поедешь куда-то со своей работой на январские праздники, но она не говорила куда.

Вот спасибо, дочка! Удружила.

— Зачем она вообще тебе это рассказала? — не выдерживаю я.

— Потому что я спросил, — спокойно поясняет он.

— И зачем? Я вот понятия не имею, как ты живешь, и прекрасно себя чувствую.

— Кать, ты же знаешь, что я так не могу. Мне надо знать, что у тебя все в порядке.

— У тебя просто мания контроля, Сафонов, — в сердцах бросаю я. — Сходи к психологу, сейчас вроде такое лечат.

— Не вижу смысла в лечении. Я своим гиперконтролем неплохо зарабатываю, — усмехается он. — Все проекты, которые я веду, работают как часы.

— Дай угадаю: проекты работают отлично, а вот твои со-

трудники массово выбрасываются из окон или увольняются, потому что ты их задолбал, так?

— Ну вот и узнаешь на своем опыте.

Твою мать.

Точно...

— А ведь на несколько счастливых мгновений я об этом забыла, — вздыхаю я.

Сафонов хмурится.

— Если ты такой хороший специалист, как тебя описал твой начальник, у тебя не будет проблем, — говорит он.

— Да конечно! — вспыхиваю я. — Еще скажи, что будешь относиться ко мне так же, как к остальным сотрудникам!

— А почему нет?

— Почему?! Ты серьезно сейчас это спрашиваешь?! — Лифт уже открыл двери на седьмом этаже, но мне плевать. Я никуда не пойду, пока не выскажу все своему бывшему мужу. — Да у тебя в башке просто целый Эверест всяких предубеждений! Кто говорил, что в айти мне не место? Кто говорил, что у меня неподходящий склад ума, неподходящий характер, а главное, неподходящий пол? Как будто то, что я женщина, автоматически делает меня тупой! Как будто программисты пишут код членом, а не руками!

Сафонов хмыкает.

— С яркими сравнениями у тебя всегда все было в порядке, Кать.

— Да пошел ты, — в сердцах бросаю я и тут вижу, что

двери лифта захлопываются. — Черт!

Торопливо ищу кнопку, чтобы их открыть, но поздно: лифт уже куда-то едет.

Судя по цифрам, наверх.

— Покатаемся! — жизнерадостно сообщает бывший муж.

Я бросаю на него мрачный взгляд.

Он хмыкает, сует руки в карманы, зачем-то делает такой глубокий выдох, что у него аж плечи поднимаются, и вдруг говорит:

— Я был неправ.

— Что?!

Я не верю своим ушам. Чтобы мой бывший муж — самый упрямый человек на свете! — вдруг сказал, что он в чем-то ошибся? Да быть такого не может.

— Я был неправ, — повторяет Сафонов, напряженно хмурясь. Эти слова явно не даются ему легко. — Прости. Я был уверен, что это не твое, и хотел, как лучше. Но вот ты тим-лид, у тебя все получилось, и ты... Ты, молодец, Кать.

Я растерянно стою и даже не знаю, что сказать.

Такое чувство, как будто я получила долгожданный новогодний подарок, но в июле. Когда это уже не нужно.

И вроде приятно, не спорю, но что я должна теперь с этим делать? С этими бессмысленными извинениями, запоздавшими на пять лет?

— Хорошо, — осторожно говорю я.

Сафонов кивает, а во мне вдруг просыпается собака-по-

дозревака.

— Ты же мне не специально это говоришь, чтобы нам было проще работать? — прищурившись, спрашиваю я.

Он усмехается, но глаза остаются серьезными.

— Нет, Кать. Не специально.

— Ну ладно. — Я вздыхаю и вдруг признаюсь: — Я ужасно не хочу, чтобы ты был моим начальником. Меня аж трясет от этого. Просто худшая новость в жизни.

Он хмурит брови и явно собирается что-то сказать на это, но тут лифт останавливается на десятом. Двери открываются, и внутрь вваливаются две девушки в ярких лыжных куртках.

Они, похоже, не ждали, что в лифте кто-то есть, потому что наталкиваются на меня и дружно ойкают.

— Простите!

— Ничего страшного, — раздраженно отвечаю я и немного отхожу в сторону, давая им место.

— Нажмите, пожалуйста, — просит Сафонова одна из девчонок. Та, что в кислотно-зеленой куртке.

— Единичку, — добавляет та, что в розовой. — Мы на первый.

— Конечно. — Он тянется к панели и жмет кнопку.

Я вижу, как взгляды девчонок задерживаются на руке Сафонова, где нет обручального кольца, и внезапно атмосфера в лифте меняется.

— Спаси-и-ибо, — кокетливо тянет розовокурточная и

нежно улыбается, демонстрируя белые зубки. — А вам куда? Тоже на первый?

— Даже не знаю, — усмехается Сафонов. — Еще не решил, если честно.

— Если не знаете, чем заняться, можете пойти с нами в бар через дорогу, — предлагает зеленая и звонко смеется. — Там сегодня будет технопати. Должно быть круто!

От возмущения я просто теряю дар речи.

С вами, значит?! На техно, блядь, пати?!

Але, молодежь! Вы там адекватные или как? Вы вообще видите, к кому пристаете?

У него вон волосы седые на висках и морщины у глаз.

Да он вам в отцы годится. Причем буквально: у него дочери столько лет, сколько вам, бесстыдницы!

— Спасибо, девчонки, но думаю, не сегодня, — отвечает Сафонов. И улыбается им, скотина, так обаятельно, что я прям вижу сердечки в их глазах.

Как в мультиках.

Отвратительное зрелище!

Мы все вместе выходим на первом этаже.

— Не передумали? — улыбается зеленая куртка. У нее короткие рыжие волосы и по два золотых колечка в ушах. Хорошенькая девочка. Юная и хорошенькая.

— Нет, не передумал, — усмехается Сафонов.

— Жа-а-алко, — тянет розовая куртка. У нее светлые волосы и длиннющие ресницы. Тоже красивая.

Похоже, чтобы найти себе приключения, моему бывшему мужу не нужно даже стараться. Они сами к нему приходят в виде таких вот девочек.

Интересно, это только после развода началось?

Или так было всегда, и просто я этого наивно не замечала, утонув с головой в домашних делах и ребенке?

Я ведь его даже не ревновала никогда, потому что доверяла на сто двадцать процентов. Больше, чем себе.

«Хорошо, что мы развелись, — мрачно решаю я. — Сэкономила себе кучу нервных клеток».

— Если что, мы в 1003 номере, — добавляет розовая куртка.

Зеленая куртка хихикает, прикрывшись ладошкой, и кокетливо смотрит на моего бывшего мужа:

— Вы не подумайте, мы нормальные! Просто нам тут компании не хватает, мы только вдвоем приехали.

— Двое, мои хорошие, это вообще-то уже компания, — перебиваю я, не выдержав их агрессивного флирта. — Все, что больше двух — толпа.

Девчонки на меня вытаращиваются так, как будто перед ними стена заговорила.

Потом скомканно прощаются и убегают.

Сафонов хмыкает, глядя им вслед.

— Что? — злобно спрашиваю я.

— Ничего.

— Ну вот и молчи, раз ничего. Я, кстати, даже не уверена,

что им есть восемнадцать!

— Есть, иначе их бы без взрослых не заселили, — говорит он.

Как же меня сейчас бесит эта логичность и разумность — слов нет!

— Бог им судья, значит, — бормочу я себе под нос.

А потом вдруг понимаю, что до своего номера так и не доехала.

И мой бывший муж тоже никуда не поехал. Более того — он даже не сказал, на каком этаже живет!

— Ну что, попытка номер два добраться до твоего седьмого этажа? — с усмешкой спрашивает Сафонов, словно читая мои мысли. — Или...

— Или что?

Глава 4.

— Или можем где-нибудь с тобой посидеть, — говорит Сафонов, сунув руки в карманы. — Поговорить.

— Я не...

— По работе, — перебивает он. — У меня есть ряд вопросов.

Черт, точно.

Нам же теперь есть что обсудить, кроме оценок Лизы и ее здоровья.

С тех пор как эти темы перестали быть актуальными, наше общение встало на паузу. А о чем было говорить?

Лиза теперь цветущая молодая девушка, живет отдельно, чувствует себя отлично, учится сама для себя, в порочащих связях не замечена (может, они, конечно, и есть, но мне она как нормальный ребенок ни о чем таком не рассказывает, и правильно делает!)

— Завтра, — со вздохом говорю я. — Давай встретимся завтра. Сегодня я уже не в состоянии нормально думать.

«И общаться с тобой», — мысленно добавляю я.

— Договорились, — кивает Сафонов. — Проводить тебя?

— До номера?

— Ну да.

— Нет, спасибо.

Я нажимаю кнопку.

Пока мы разговаривали, лифт уже уехал на верхние этажи. Придется подождать.

Сафонов никуда не уходит, стоит тут, рядом со мной. И непонятно, то ли он сейчас тоже поедет к себе в номер, то ли просто из вежливости ждет, пока я сяду в лифт, а сам потом куда-нибудь пойдет.

На технопати, например.

Или кататься с гор.

Стоп, а Сафонов вообще умеет кататься? Насколько я помню, слова «лыжи» и «сноуборд» от него никогда не звучали.

А я как бы его знаю с первого курса универа! Полжизни практически.

— Слушай, а что ты вообще тут делаешь? — спрашиваю я, не справившись с любопытством. — Ты же вроде никогда горами не интересовался.

— Интересовался. Я всегда хотел научиться кататься на горных лыжах, у нас на работе многие ездили. Каждую зиму, а некоторые и по два раза за зиму. Меня тоже звали.

— Звали, — повторяю я, и почему-то это звучит так, как будто я его обвиняю. — Но ты не ездил. А почему?

— А куда бы я поехал, Кать? — вопросом на вопрос отвечает Сафонов. — Одному ехать — как-то эгоистично, ты бы первая меня прокляла, если бы я так сделал. А тащить на горы всех вас: Лизку с ее астмой, и тебя, которая в гробу все это видала — тоже полный бред. Да и опять же это деньги.

Логичнее было их потратить на что-то, нужное всем.

Я растерянно хмурюсь.

Мне всегда казалось, что из нас двоих обычно я была тем, кто отказывался от того, что хочется, ради семьи. Отказывался от образования, карьеры, ночного сна, свободного времени...

Мысль, что и Сафонов не жил прям той жизнью, о которой мечтал, кажется непривычной.

— И что, как только мы развелись, ты сразу поехал на лыжах кататься? — ехидно спрашиваю я.

— Не сразу, — пожимает он плечами, игнорируя мой сарказм. — Через год примерно. Купил себе экипировку, взял хорошего инструктора, ну и все. Научился. Сейчас каждый январь катаюсь.

Каждый январь, значит.

И почему Сафонов был против развода? Вот как хорошо ему сразу стало. Хочешь — на лыжах катайся, хочешь — с молодыми девочками заигрывай. Никто и слова не скажет.

Веселая жизнь свободного мужчины.

— Мог бы и Лизу с собой взять, — из вредности сообщаю я. — Может, ей бы тоже понравилось.

— Я звал, она не захотела.

Звал?! А мне она ничего не говорила.

— А ты сама как? — спрашивает Сафонов. — Катаешься или просто за компанию со своими приехала?

Лифт открывается на первом этаже, и я с радостью хвата-

юсь за этот шанс не отвечать на вопрос.

— Ой все, я поехала.

— Завтра, — напоминает он.

— Да, завтра.

— Хорошего вечера, Катя.

— И тебе, — говорю я, следя за тем, как закрываются двери, отрезая меня от бывшего мужа.

Наконец-то можно выдохнуть.

У себя в номере я падаю на кровать, беру телефон в руки и вижу пропущенный от Лизы. Наверное, звонила, когда я в лифте была — там почему-то связь плохо ловит.

Перезваниваю и невольно улыбаюсь, когда слышу ее звонкое «Привет, мам!»

Мне кажется, нет таких слов, чтобы описать, как я люблю мою дочь. И с каждым годом все сильнее и сильнее. В ее малышковые годы эта была любовь-удивление, любовь-умиление. Дошкольные и школьные годы прошли под знаком яростной любви, замешанной на страхе потерять нашу девочку. Именно тогда были первые, самые сильные приступы астмы. Первые вызовы скорой. Первые ночевки в больнице после особенно страшных приступов.

Когда Лиза была подростком, надо было любить ее вопреки. Вопреки истерикам и выкрутасам, вопреки угрозам бросить школу, вопреки жуткому кризису, которым она отреагировала на наш развод.

И вот сейчас, хотя моя дочь взрослая и я ее люблю как

интересного классного человека, в этом чувстве все равно спрятаны — как в матрешке — и все те любви, которыми я любила ее в разные периоды ее жизни.

— Привет, зайка, — говорю я.

— Как ты долетела? Нормально устроились?

— Да, все хорошо. Я тут... — колеблюсь, но все же признаюсь: — Я тут папу твоего встретила.

— Да ты что? — весело удивляется дочь. — Ничего себе. С Мариной?

— С какой еще Мариной? — напрягаюсь я.

— Марина — это папина... — Лиза задумывается. — Ну девушка, наверное.

Девушка? То есть, она молодая? Они с Сафоновым вместе? И давно? Они живут вдвоем или просто встречаются?

Моя голова буквально взрывается вопросами.

Но я сама себя останавливаю и напоминаю: мне нет дела до личной жизни моего бывшего мужа. Мы давно уже чужие друг другу люди.

— Я не видела никакой Марины, — говорю я максимально отстраненным тоном.

— Ну тогда забей, — легкомысленно отмахивается Лиза. — Он, наверное, один поехал.

Один.

Или она его ждала в номере.

Или рассекала в это время снег на склоне — красивая и изящная.

Марина...

Неприятное имя какое-то.

Не мог кого-то поприличнее найти?

— Лиз, а почему ты не говорила, что папа тебя тоже звал кататься? — спрашиваю я.

— А зачем? — удивляется дочь. — Я же все равно не поехала. Это он тебе сказал, да? Вы что, наконец-то начали разговаривать друг с другом?

— Так. Перекинулись парой фраз.

Я почему-то не хочу говорить Лизе, что нам с Сафоновым теперь придется работать вместе. Непонятно, как она это воспримет.

Когда мы разводились, Лиза переживала это очень тяжело, но никогда не говорила обычных для ребенка в такой ситуации фраз: «хочу, чтобы вы с папой снова были вместе», «хочу, чтобы мы опять были одной семьей».

Наоборот, в самую первую неделю, когда Сафонов съехал наконец на другую квартиру, Лиза пришла меня обнять перед сном и тихо сказала:

— Так лучше.

— Что лучше? — спросила я бессмысленно.

— Лучше, чем когда вы с папой все время ругались.

Я чудом не разревелась. Обняла ее крепко и так же тихо сказала:

— Да, зайка. Так и правда лучше.

Ревела я уже потом, когда Лиза уснула. И в этот день, и на

следующий день, и еще месяц точно.

Наверное, дочка это замечала. Может, поэтому первый год она с Сафоновым общалась очень неохотно.

Но потом и я успокоилась, и ее подростковый кризис прошел — в общем, все стало легче. Сафонов тоже не сидел без дела: он активно интересовался ее школьными делами, ее увлечениями, и дочка оттаяла. Они стали ближе, стали чаще созваниваться. С папой Лиза проводила выходные, часто уезжала к нему на каникулы, он возил ее в Турцию и в Испанию, а на окончание школы подарил маленькую квартиру-студию.

Сафонов — хороший отец. Это факт.

Но еще один факт, что таким хорошим он стал только после развода. До этого дочь была исключительно на мне, а его делом было зарабатывать деньги и подниматься по карьерной лестнице.

Еще одна причина, почему у нас все поломалось.

— Мам?

— Да, прости, — спохватываюсь я. — Что ты сказала?

— Неважно, — обиженно бурчит Лиза. — Ты меня все равно не слушаешь.

— Я просто устала, зайка. После перелета всегда такое чувство, что ты как вареный.

— У меня нет такого чувства, — возражает Лиза. — Мы когда в Испанию летали, я в этот же день на море пошла и купалась.

— Ну значит, дело просто в возрасте, — усмехаюсь я.

— То есть, когда ты была как я, тебе тоже было легко летать? — с сомнением спрашивает дочь.

Я едва не фыркаю в голос.

«Милая! — хочется мне сказать. — Когда я была, как ты, мне было не до полетов. Я обнаружила на своем тесте две полоски, и нам, вместе с твоим папой, пришлось немало потрудиться, чтобы эти две полоски потом могли летать в Испанию, Турцию, к черту на кулички и вообще жить свою лучшую жизнь».

— Зайка, — говорю я вместо ответа, — я уже не очень помню. Ты лучше скажи, как ты. Тебе там не грустно одной?

— Мам, ну я же не одна.

— А с кем?

— С подружкой, — быстро говорит Лиза. Подозрительно быстро. — Из группы.

— Ладно, — с некоторым сомнением соглашаюсь я, а сама думаю, что надо бы посмотреть на эту «подружку».

А то у меня когда-то тоже была такая «подружка из группы» — а потом пришлось свадьбу играть и уходить в академ. Такого своей дочке я точно не пожелаю.

Мы прощаемся с Лизой, и я пишу Андрею, что у меня разболелась голова и что пойду пораньше спать.

Он мне ничего не отвечает, но уже через несколько минут стучится в мой номер.

— Что? — недовольно спрашиваю я, открыв дверь.

— Если мы хотим с утра кататься, надо сейчас в прокат успеть, — говорит Андрей бодро. — Он с восьми работает, а в восемь мы хотели уже на горе быть.

Мыхотели?!

— Это слишком рано, — твердо сообщаю я.

Андрей тяжело вздыхает.

— В восемь тридцать, — говорит он с таким видом, как будто идет на гигантские уступки. — Но не позже. А то знаешь, какие очереди будут на подъемник?

Я не знаю и знать не хочу, но почему-то думаю о том, что Сафонов же что-то нашел в этих катаниях с горок. Вдруг и мне понравится?

— Ладно, — неохотно соглашаюсь я. — Пошли в прокат.

В прокате молодой улыбчивый пацан лет двадцати спрашивает:

— Лыжи или сноуборд?

Смотрит он при этом на Андрея.

— У меня есть своя доска, — небрежно поясняет Андрей.

— Нам бы для... дамы что-то подобрать.

Слово «дама» меня раздражает.

Оно тут вообще не к месту.

Пацан нахально мерит меня взглядом и заявляет:

— Ну, те, кто в возрасте, у нас обычно лыжи берут.

В возрасте?!

Ах ты мелкий засранец.

Да я в первенстве университета по спортивному ориенти-

рованию участвовала! Ну да, не победила, и да, это было бог знает когда, но участвовала же!

— Мне сноуборд, — цежу я сквозь зубы.

— О, Катя! — бурно радуется Андрей. — Ты решила встать на доску! Кайф.

Решила, ага.

И помоги мне Господь как-то пережить теперь это решение.

Глава 5.

— Вот! — бодро говорит Андрей, пристегивая последнее крепление и выпрямляясь. — Смотри, и совсем несложно, правда?

Теперь мои ботинки накрепко прицеплены к цветной доске. И я вместе с ними.

— Кажется, так когда-то в древности людей казнили, — задумчиво сообщаю я. — Привязывали им к ногам камень и сбрасывали в воду.

— При чем тут это? — не понимает он.

— Не при чем. Забей, — вздыхаю я.

— Самое главное, — важно рассказывает он, — не стоять прямо. Колени должны быть мягкие, как будто ты чуть-чуть присела. Под ноги не смотри, смотри вниз по склону. Хочешь остановиться, давишь на пятки. Хочешь поехать — переносишь вес вперед.

Я пытаюсь и тут же бесславно падаю в снег.

— Вот ты кстати правильно упала! — радостно говорит Андрей, помогая мне подняться. — На бок! А на копчик не надо падать, а то перелом может быть.

Перелом?!

Черт.

На такое я не подписывалась.

Кажется, все-таки стоило взять лыжи. На них я хотя бы в

школе каталась.

Я встаю, пробую еще разок и снова падаю.

— Катя, соберись. Это несложно, — уже более раздраженно говорит Андрей. — Наклонись вперед — и все. Доска сама поедет.

— Не торопи меня, — огрызаюсь я.

Медленно переносу вес с пятки на носки и обратно. Кажется, принцип понятен.

Начинаю ехать вниз по склону — о-о-очень медленно и аккуратно. Как семидесятилетняя бабуля за рулем.

— Наконец-то! — радуется Андрей.

Какое-то время он едет рядом со мной, а потом показывает рукой вниз и кричит:

— Встретимся там.

— Почему?

— Я не могу так медленно ехать. Скучно!

И не успеваю я ничего ответить, как Андрей прибавляет скорость и какими-то лихими виражами начинает спускаться вниз.

Кажется, это называется «менять кант».

А может, я что-то путаю.

Вскоре я уже вижу только ярко-голубое пятно андреевской куртки, а мы со сноубордом продолжаем медленно и печально катиться вниз.

В целом это даже неплохо. Склон довольно пологий, снежок пушистый и красивый, а солнце бесстыдно яркое, как

весной.

Я увлекаюсь, начинаю ехать быстрее, и мне тут же становится страшно.

Переломанный копчик уже видится мне в моих страшных кошмарах.

Резко затормаживаю, переводя вес на пятки — и останавливаюсь. Совсем.

Пытаюсь опять поехать, но не получается. Впереди маленькая горка, и я затормозила как раз перед ней. А должна была, наверное, заехать в нее на скорости.

А теперь уже никак.

Ни вперед, ни назад.

Упс.

Я растерянно оглядываюсь.

Мимо меня проносятся люди. На сноубордах, на лыжах, есть совсем дети, есть постарше, один даже с длинной седой бородой.

Никто не останавливается, один даже задевает меня плечом так, что я чуть не падаю.

— Мешаешь! — кричит он.

— А я что сделаю? — ору я ему в спину.

Ну реально, что я сделаю?!

Были бы лыжи, можно было хоть палками оттолкнуться. А тут палок нет, обе ноги прикованы, стоишь как дура, еще и других людей бесишь.

Можно, наверное, попробовать отстегнуть ботинки, но я

ведь потом их даже обратно не смогу застегнуть!

Боже, как ужасно.

«Зачем я вообще сюда поперлась? — в панике думаю я. — Ну вот зачем? Что я и кому хотела доказать? Еще и этот Андрей гребаный. Заташил меня сюда и свалил. Скучно ему, видите ли, стало!»

— Женщина, в сторону отойдите, если не едете! — опять кричит мне кто-то за спиной.

— Да не могу я! — тоже срываюсь на крик я.

Девушка в алом лыжном костюме презрительно меня объезжает, кинув мне еще пару неприятных слов, и в тот момент, когда я уже готова сорвать с ног эту хрень и топать вниз пешком, потому что хуже уже быть не может, я слышу сзади еще один голос.

Знакомый, как собственное отражение в зеркале.

— Катя?

Твою ж налево.

Последний, перед кем я бы хотела опозориться, это Сафонов. И именно его судьба мне и прислала.

За что?! Где я так провинилась?

— Не я это, — бормочу я раздраженно себе под нос.

Но бывший муж все-таки тормозит рядом со мной, весь такой на лыжах, в шикарной черно-бирюзовой куртке, и приподнимает зеркальные очки.

— Что-то случилось? — спрашивает он.

— Я застряла, — неохотно объясняю я.

Сафонов оглядывает меня.

— В каком смысле? — уточняет он.

— В таком, что я не могу дальше ехать. Видишь — там горка. А я уже остановилась.

Он задумывается, машинально выставляет вперед руку, не позволяя проезжающему мимо лыжнику меня задеть, и я вдруг вопреки всему — вопреки стыду, злости, беспомощности — чувствую облегчение.

Мой бывший муж очень тяжелый человек. С невыносимым характером.

Но я на миллион процентов уверена, что он меня тут не бросит.

— Так, — говорит Сафонов решительно. — Я понял. Берись за мою палку, я тебя дотащу.

— Мне нельзя хвататься за твою палку, мы вообще-то разведены, — мрачно шучу я.

Андрей бы на такой уровень юмора только закатил глаза, а Сафонов откровенно ржет.

— Ну тогда давай за руку, — отсмеявшись, говорит он и сам берет меня за запястье, чуть выше перчатки. — За руку точно можно.

— Можно, — эхом повторяю я.

Бывший муж тянет меня за руку, и я наконец трогаюсь с места.

Забираюсь на ту самую горочку и ору ему:

— Дальше не надо!

Сафонов отпускает меня, и вниз я съезжаю сама.

Быстро съезжаю! Не то что до этого!

Не потому что мне не страшно — мне очень, блин, страшно! — но ведь Сафонов смотрит.

Я и так уже застряла посреди горы, как дурочка, надо хоть сейчас показать ему, что я вообще-то еще ого-го!

Рассекаю на сноуборде, живу свою лучшую жизнь и... да твою же мать!

Я не удерживаю баланс и лечу в снег. Вовсе не боком, как учил меня Андрей, а спиной. А если еще точнее, то задницей.

Но копчик вроде жив. Вот и плюсы пышной попы — страхует при падении.

Лежа в снегу, я верчу головой.

Есть ли шансы, что бывший муж уже свалил с горы и не видел моего позора?

— Помочь?

Ноль шансов.

— Ты следишь за мной что ли? — со вздохом спрашиваю я.

— Нет, просто сзади ехал. Давай руку, помогу встать.

— Я не беспомощная!

— Я в курсе. Давай руку.

Я презрительно фыркаю и ожесточенно дергаюсь, пытаюсь подняться сама. Когда на ногах доска, это тот еще вызов.

Но я готова к вызовам! Я можно сказать, создана для них!

— Жук упал и встать не может, — задумчиво говорит Сафонов, с интересом глядя сверху вниз на мои бесплодные попытки. — Ждет он, кто ему поможет. Помнишь, Лиза такой стишок придумала, когда маленькая была?

— Это не Лиза придумала, это Маршак написал, — бурчу я.

— Да? — искренне удивляется он и протягивает мне руку, за которую я машинально хватаюсь. — А я всю жизнь думал, что это она сама.

— Ну ты у нас отец года, тут никто не сомневается, — ядовито сообщаю я, вставая на ноги, и только тут соображаю, что Сафонов специально меня отвлек.

И поднял.

Вот же зараза.

— Спасибо, — буркаю я и снова еду.

Здесь уже нормальный уклон, можно самой стартовать — без его помощи.

Но он все равно держится немного позади меня и кричит «Умница», когда я решительно преодолеваю следующую горку, заезжая на нее, как надо.

Я ничего не отвечаю, но в груди расцветает гордость.

Есть еще порох в пороховницах! Рано меня отправлять на свалку истории!

Так и скажу пацану в прокате, когда буду сдавать этот блядский сноуборд.

У подножия горы мы оказываемся вместе с Сафоновым.

Я качусь на доске, он рядом неторопливо скользит на лыжах.

— Еще разок? — спрашивает он.

— Ни за что. — Я ищу глазами голубую куртку Андрея, чтобы придушить его и закопать прямо у подножия горы, но он куда-то предусмотрительно смылся.

— Испугалась? — Сафонов поднимает очки на лоб и прищуривает свои темные глаза. — Это нормально. Горы они вообще-то не для всех.

— А для кого? Для избранных что ли? — вскипаю я.

Он молча и насмешливо улыбается.

Невыносимо.

— Поехали, — угрюмо говорю я.

Кто-то меня слишком хорошо знает.

Сафонов самоуверенно лыбится и машет в сторону подъемника:

— Вперед!

— Ой нет. — Я вдруг останавливаюсь и машу рукой. — Слушай, я передумала. Это нужно же будет ботинки отстегивать, а я не умею.

— Я помогу. Это должно быть несложно.

— И ехать просто так неинтересно, нужно тогда наперегонки, — вслух размышляю я.

— Давай наперегонки, — кивает он.

— С тобой? — Я фыркаю. — Очень честное соревнование получится! Ты тут уже много раз катался, с инструктором

учился и все такое, а я не такая продвинутая.

— Я дам тебе фору, — обещает Сафонов.

— Сколько?

— Тридцать секунд.

— Пфф! Я пошла в номер.

— Минуту.

— Пойдет.

Я сдержанно киваю, но на самом деле с трудом сдерживаю улыбку.

Сафонов ненавидит, когда вдруг срывается то, на что он уже рассчитывал. В таком состоянии с ним проще всего вести переговоры, можно на многое его прогнуть.

Интересно, он сам о себе это знает?

Мы снова поднимаемся наверх.

Сафонов честно встает передо мной на колени и помогает мне пристегнуть ботинки.

— Считай до шестидесяти, — говорю я, надвигаю на лицо очки и стартую.

И, конечно, я еду не быстро. Я же не самоубийца.

И, конечно, Сафонов, повернутый на соревнованиях так же, как и все мужики в мире, вскоре проносится мимо меня.

— Поднажми! — кричит он.

— Да шас, — бормочу я, внимательно следя за тем, чтобы снова не застрять у горки.

Когда я наконец спускаюсь вниз, Сафонов там уже замутился меня ждать.

— Не помогла тебе фора, — хмыкает он с очень победоносным видом.

— Поздравляю, — небрежно говорю я. — Тебе же, как всегда, нужно почувствовать себя героем. А на моем фоне это, как всегда, сделать проще всего. Рада была помочь подлечить самооценку.

С его лица мгновенно слетает веселье.

Я тоже его хорошо знаю. Слишком хорошо.

И знаю, куда и как бить, чтобы было больно.

— Забавно, что тебе никогда в жизни не приходило в голову поддаться мне, — задумчиво говорю я. — Мне даже стало интересно: а вдруг ты стал мудрее и дашь мне сейчас выиграть? Собственно, я ради этого и полезла второй раз на гору. Провела эксперимент. Но, как мы только что выяснили, некоторые вещи не меняются.

— Такие, как твой ядовитый язык? — хмуро спрашивает он. — Ткнула меня носом в лужу и легче стало?

Я пожимаю плечами.

Мне тоже уже невесело. И я даже немного жалею, что ляпнула это. Забыла, что не могу его просто заблокировать — нам же, блин, еще работать вместе.

— Конечно, легче, — с вызовом говорю я, отстегиваю ботинки, беру доску под мышку и отправляюсь к прокату.

Если повезет, встречу по дороге Андрея и дам ему сноубордом по башке.

Чтобы думал в следующий раз, куда меня звать на роман-

тическую прогулку.

Глава 6.

— Катя, прости! Ну прости! Я правда не подумал, что ты обидишься! — растерянно повторяет Андрей, которому я все от души высказала.

— В смысле не знал?! Ты бросил меня на горе!

— Почему бросил-то? — искренне не понимает он. — Я просто поехал вперед. И у тебя же все прекрасно получалось, я сам видел!

— Какая разница, как у меня получалось? Ты все равно должен был остаться со мной.

— Должен был. Прости, пожалуйста, — быстро соглашается он. А потом осторожно спрашивает: — А зачем?

— Чтобы помогать мне, — мрачно говорю я. — Если бы я там застряла.

Андрей улыбается, как будто я сказала что-то смешное.

— Катя, на учебной трассе нереально застрять. И травмироваться тоже.

Да конечно!

Будет он мне еще рассказывать!

В моем возрасте травмироваться можно где угодно. Я как-то в супермаркете слишком резко наклонилась к нижним полкам за упаковкой курицы, и у меня заклинило поясницу.

Еле разогнулась, между прочим.

Если уж «Пятерочка» может быть такой опасной, то что

говорить про горы?

— Представь, что я затормозила и не смогла поехать дальше, — обвиняюще спрашиваю я. — Тогда что?

— Тогда ты бы просто отстегнула одну ногу и толкнулась вперед. В чем проблема?

Андрей говорит это абсолютно спокойно. В его голосе звучит полная убежденность, что именно так я бы и поступила.

Он ведь не врет. Он реально так думает.

И шквал моих эмоций резко утихает, как будто кто-то убрал с огня кипящую кастрюлю, и вся пена разом осела.

«Андрей ведь вообще не видит во мне нежную девочку, которой надо помогать и которую надо защищать, — вдруг доходит до меня. — Я старше его на десять лет, я выше его по должности, и он меня воспринимает исключительно как взрослую бабу, уверенную в себе на сто процентов. Он не видел, как я реву от беспомощности, он не знает, что я ужасно рассеянная, он не думает, что мне может быть страшно, что я могу чувствовать себя слабой или глупой».

Делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться.

— Нет никакой проблемы, — говорю я ровно. — Просто мы поехали вместе, а ты меня бросил. Это было обидно.

Андрей порывисто обнимает меня и шепчет на ухо:

— Прости, прости, прости. Я не знал, что я тебе так нужен. Теперь буду всегда кататься только рядом с тобой. Хорошо?

— Я больше вообще не буду кататься, — бурчу я.

— Буду надеяться, что ты передумаешь, и завтра мы вместе пойдем на синюю трассу, — мягко говорит он. — Обещаю: не отойду от тебя ни на шаг. Прости меня, идиота, ладно?

— Посмотрим, — неопределенно говорю я.

Но из его рук не вырываюсь.

Я люблю обниматься, а Андрей это делает неплохо. Немного вяло, но зато руки у него теплые. И пахнет он цитрусовым гелем для душа, вполне приятно.

— Ты у меня такая красивая, — выдыхает Андрей и ласково касается губами моих волос. Потом целует лоб, кончик носа и щеку.

Но меня его нежность никак не возбуждает. Даже обидно.

Что это за роман такой, от которого в животе не порхают бабочки?

С другой стороны, влюбиться без памяти легко в восемнадцать, а что делать в сорок? Когда ты уже взрослая и на опыте?

Вроде и стараешься быть романтично настроенной, но то в спину вступит, то про оплату коммуналки вспомнишь. К тому же, слишком хорошо знаешь мужчин и видишь все их недостатки.

«Эй, притормози, Катя, — одергиваю себя я. — С таким подходом реально останешься одна. Снизь планку. Ты же не замуж второй раз собираешься, а просто приятно проводишь время. Развлекаешься».

Может, Андрей и не идеал мужика, но как минимум он умеет открыть рот и извиниться. Даже если не понимает, за что.

А вот от Сафонова извинений как раз было не дожидаться. Он мог притащить мне огромный букет тюльпанов, если чувствовал себя виноватым, мог перевести мне денег на карту, мог заказать на ужин мои любимые суши, но чтобы прямо словами выговорить «прости, я был неправ» — нет. Никогда! Для такого его речевой аппарат не приспособлен.

Какие-то врожденные логопедические проблемы, видимо. И тут я вспоминаю, что Сафонов совсем недавно извинился передо мной. В лифте.

Сказал, что был неправ, когда считал меня непригодной для карьеры в айти.

Что ж, даже если он и соврал, это все равно было приятно. Может, если бы в тот ужасный вечер он сказал мне «Извини», а не «Сама виновата», еще можно было бы что-то склеить...

— Катя!

— Да? — вздрагиваю я.

— Ты со мной? — недовольно спрашивает Андрей.

Я вдруг понимаю, что он пока он меня активно соблазнял (ну, в понимании Андрея активно), я уплыла мыслями к бывшему мужу.

Браво, Катя!

Пять баллов.

— Все нормально, просто я есть хочу, — неловко говорю я и отодвигаю Андрея от себя.

— А. Ну... okay? — соглашается он. Но по лицу видно, что не очень доволен. — Пойдем тогда на обед?

— Пойдем. Я только накрашусь и переоденусь.

— Я тогда там тебя буду ждать.

— Договорились.

Андрей уходит из моего номера, куда я его вызвала гневным звонком, а я закрываю дверь и смотрю на себя в зеркало.

После сноуборда лицо все еще разрумяненное, свежее, но это не делает его юным. И дело даже не в коже, хотя и она уже подводит. Дело во взгляде — он слишком... слишком взрослый, что ли.

У Лизы в ее девятнадцать глаза сияют счастьем и предвкушением, а в моих глазах — усталость. Ноль наивности, ноль иллюзий, ноль ожиданий.

Плюс темные круги — последствия вчерашнего перелета.

Хорошо хоть с ними можно легко справиться.

Достаю косметичку и начинаю краситься. Основательно так: с тональным кремом, румянами и подводкой. Обычно я просто крашу ресницы, наношу прозрачный блеск на губы, и хватит с меня, но тут вдруг почему-то захотелось.

«Ага, — хмыкаю я, разглядывая свое отражение. — Захотелось ей, ну. И с Сафоновым это никак не связано, правда?»

Неправда.

Конечно же, связано.

Я уже дважды встречалась с бывшим мужем не в самом приглядном виде, и логично, что в третий раз мне хочется быть во всеоружии.

Есть ведь шанс, что мы увидимся с ним на обеде?

Распускаю волосы и старательно их расчесываю.

Перетряхиваю свой небольшой чемодан, собранный на скорую руку, и достаю голубой свитер с красивым вырезом. К нему вместо джинсов надеваю плотную обтягивающую юбку и ботильоны на каблуке, брошенные в чемодан буквально в последний момент.

Вдруг пригодятся.

Ну вот игодились.

Критическим взглядом оглядываю себя, поворачиваюсь перед зеркалом. На самом деле неплохо: свитер подчеркивает грудь, юбка красиво обрисовывает бедра, и фигура сразу выглядит женственно. А голубой цвет идеально подходит к моим глазам.

Выхожу из номера довольная.

Гордой походкой направляюсь к лифту, захожу туда, здороваюсь с парой примерно моих лет и ловлю на себе их недоумевающие взгляды. И он, и она одеты по спортивному, и я на их фоне выгляжу слишком нарядно.

«А вдруг тут все так на обед одеваются? — закрадывается мне в голову неприятная мысль. — И одна я как дура нарядилась?»

Я специально не еду на минус первый этаж, где распола-

гается ресторан, а выхожу на втором. Спускаюсь по лестнице несколько пролетов так, чтобы было видно столы и обедающих за ними людей, пару секунд их разглядываю и... да, тут все в спортивном.

Смотрю на стол, за которым сидят наши ребята: из них половина вообще в лыжных штанах, включая нашего начальника Виталю. Сразу со склона пришли поест, наверное.

И я среди них на каблуках и с декольте.

Да уж... Перестаралась.

Может, мне пойти переодеться, чтобы не выпадать из общей массы? Или фиг с ними?

— Кого ищешь? — спрашивает Сафонов, становясь рядом со мной.

Я вздрагиваю и резко поворачиваю на него голову.

— Уж точно не тебя. Ты и так постоянно около меня появляешься. Реально что ли следишь?

Он хмыкает, а я отмечаю, что он тоже не в спортивном. На нем голубые джинсы и белый свитер, который мне совершенно незнаком.

Так странно — раньше каждую его вещь я знала в лицо. Некоторые из них даже сама покупала. А теперь не только Сафонов стал мне чужим, но и его гардероб.

— Красивая юбка, — говорит мой бывший муж, окинув меня оценивающим взглядом. Почему-то мне кажется, что он думает о том же, о чем и я. — Тебе идет. Новая?

— Ей лет десять, — со вздохом сообщаю я.

— А я ее почему-то не помню.

— Неудивительно. Мы же с тобой никуда не ходили, ты меня помнишь только в домашних штанах и футболках, — огрызаюсь я и запоздало понимаю, что прозвучало это слишком резко. — Прости. Это неважно.

— Но мы и правда никуда не ходили, — задумчиво говорит Сафонов и тоже, как и я, облакачивается на перила. — Думаешь, надо было?

— Нам бы это не помогло, — мрачно говорю я.

Секунду мы оба молчим.

— Твои там, да? — Он указывает рукой в сторону стола, где расположился наш стартап.

— Да.

Сафонов внимательно разглядывает моих коллег, а потом с ухмылкой поворачивает ко мне голову.

— И с кем из этих бедолаг у тебя роман?

Глава 7.

— Чего?! — У меня от его наглости даже дыхание перехватывает. — Ты не охренел мне такие вопросы задавать?

— Я просто интересуюсь, — не моргнув глазом отвечает Сафонов. — На правах бывшего мужа.

— Таких прав не существует.

— Тогда на правах будущего начальника? — нахально предполагает он. — Чтобы правильно понимать атмосферу в коллективе и оценивать все риски?

Я закатываю глаза.

Как я могла забыть?

Если Сафонову что-то надо, он же как буфетер — вцепится, и не оторвешь.

— Успокойся, — говорю ему. — Нет у меня никакого романа. Тем более на работе.

— А наша Лиза говорит, что есть, — сообщает он. — И как раз на работе. Получается, кто-то из вас врет. Как думаешь, кто? Неужели мы воспитали лгуницу?

— Мы? — фыркаю я. — Какое громкое слово. Это я ее воспитывала, пока ты вечно был на работе.

— Значит, ее вранье — это плоды твоего воспитания? — с усмешкой интересуется он.

Вот умеет он загнать в логическую ловушку...

— Да не врет она, — вздыхаю я. — Но слишком много

болтает. Это факт.

— Лиза с детства болтушка, — соглашается Сафонов и снова переводит цепкий взгляд на стол, за которым сидят наши ребята. — Так кто из них?

— Не твое дело.

— Хм. — Он прищуривается, и я не удерживаюсь от смешка.

Сафонов пытается из себя Шерлока Холмса изобразить или что?

За нашим столом сидит семь человек. Шесть мужчин и Злата, наша тестировщица.

Все шестеро в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти, то есть теоретически героем моего служебного романа может быть любой из них.

Что ж, пускай Сафонов поиграет в угадку, не буду ему мешать. Даже интересно будет посмотреть, как он попадет сейчас пальцем в небо.

— Так, ну толстый сразу нет, — мой бывший муж мгновенно отсекает первого кандидата.

Мне даже обидно немного становится за Лешу.

Он не толстый! Он просто крупного телосложения, с пухлыми щечками, и вообще женат!

— Тот с длинными патлами тоже, — сообщает Сафонов, скользнув взглядом по Жене.

Ладно, допустим, мне и правда не очень нравятся мужчины с длинными волосами.

Но ему-то откуда об этом знать?

— Пацан в розовой рубашке с другой бабой сидит, — продолжает комментировать он.

— Это ничего не значит, — возражаю я. — Злата не его девушка.

— Он ее за плечи обнимает. Так что нет, не он. Начальник твой тоже отпадает.

— Это еще почему?

Вот за Виталию вообще обидно. Несмотря на лысину и небольшой животик, он очень обаятельный и умный мужик! И добрый. Его жена и двое детей это могут подтвердить

Серьезно, разве можно всех по внешности оценивать?

— Кать, ты бы из принципа не стала встречаться с начальником, — замечает Сафонов, и черт, он прав. — Остается чернявый и блондинчик.

Он смотрит на Андрея и Ромку, которые как назло сидят рядом и даже чем-то похожи, если не считать цвета волос. Ромка — жгучий брюнет, а у Андрея мягкие светло-русые волосы.

— Я думаю, блондинчик, — делает свой выбор Сафонов и лениво поворачивает на меня голову. — Я прав?

Выдыхаю сквозь зубы.

Бесит. Как же бесит.

Он не может так хорошо меня знать. Это уже за гранью!

— Допустим, прав, — цежу я сквозь зубы.

— Я всегда прав, — сверкает самоуверенной улыбкой Са-

фонов. Карие глаза искрятся торжеством.

— Вот поэтому я с тобой и развелась, — в сердцах бросаю я. — Устала от твоей бесконечной правоты.

Когда-то я влюбилась в самого умного мальчика на курсе.

Саша Сафонов был худым, как жердь, носил очки, идиотскую стрижку «под горшок» и смотрел на всех свысока. На первой же лекции по матанализу он нашел ошибку в вычислениях препода и не постеснялся ему на это указать. Они минут двадцать орали друг на друга, потом усатый Пал Палыч пожал Сафонову руку и сказал, что не против быть его научным руководителем через несколько лет.

После лекции Саша Сафонов подошел ко мне — единственной девочке в группе — и высокомерно сказал, что готов объяснить мне последнюю задачу, потому что я ее сто процентов не поняла. Я ответила, что принцип деления на старшую степень могут понять даже первоклашки, и гордо ушла из аудитории.

Два месяца мы ходили друг вокруг друга кругами, обмениваясь язвительным замечаниями, а потом Сафонов подрался с парнем с эконома, который так толкнул меня в столовой, что я выронила из рук поднос. И конечно же, я вместе с Сафоновым пошла потом в медпункт, потому что его очки во время драки разбились, а видел он без них плохо.

— Спасибо, что вступился, — неловко сказала я, пока мы шли по коридору. — Очень больно?

— Скоро лазерную коррекцию сделаю, — угрюмо прого-

ворил он вместо ответа. — Задолбали эти стекла.

Я посмотрела ему в лицо.

Без очков глаза у Сафонова оказались яркими и выразительными, с длинными темными ресницами. И вообще он был симпатичный, но это я уже давно заметила.

Когда он и правда сделал коррекцию зрения и плюсом стал ходить в качалку, поклонниц у него резко прибавилось. Особенно с филфака и истфака, где традиционно училось много девчонок. Но к тому времени мы с Сафоновым уже не отлипали друг от друга, целовались на всех подоконниках нашего корпуса и завоевали статус самой бесячей парочки универа.

Господи, как же сильно я была в него влюблена. Как меня восхищал его невероятный ум и ясная логика!

Кто бы знал, что жить с таким человеком окажется просто невыносимым.

— Пойду обедать, меня уже ждут, — бросаю я.

— Блондинчик ждет? — язвительно интересуется Сафонов.

— Он самый.

— Кать, а вот чисто для справки: с каких пор тебе начали нравятся малолетки?

— Ему вообще-то тридцать, — огрызаюсь я. — Чисто для справки. Так что он не малолетка, а мужчина в самом расцвете сил. Умен, молод и горяч. Что еще надо для счастья?

Ладно, с «горяч» я немного перегнула, но все остальное

чистая правда.

Лицо у бывшего мужа темнеет. Челюсти сжимаются так, что проступают желваки.

— Рад за тебя, — отрывисто бросает он и снова смотрит вниз, на наш стол. — Хм. А интересно тебя ждут, Катя.

— Ты о чем?

— Так сильно ждут, что даже место тебе не заняли, — проницательно замечает Сафонов.

Настает моя очередь скрипеть зубами.

Тугодум Андрей реально не догадался занять мне возле себя место!

Идиот.

Где вот я теперь сяду, когда приду? На углу возле Леши? Или буду двигать всех остальных с их тарелками, кружками и прочим добром?

— Занимать место — это патриархальный пережиток! — гордо изрекаю я, чтобы хоть как-то оправдаться. — А у нас современные отношения, основанные на равноправии.

— Звучит, как какое-то дерьмо, — бестактно замечает Сафонов.

— Тебя не спросила! — вспыхиваю я.

Он вдруг наклоняется ко мне еще ближе. Так близко, что я чувствую парфюм Сафонова — какой-то новый, дымно-кожаный, и запах его тела — знакомый до последней ноты. Чистый, терпкий, максимально мужской.

Машинально вдыхаю его, и в груди что-то сладко тянет.

Привычка. Как у собаки Павлова.

Слишком много у меня завязано на запах бывшего мужа. Я инстинктивно поворачиваю к нему голову, как будто для поцелуя, но, к счастью, вовремя замираю.

Между нами всего сантиметров пятнадцать.

Максимальная близость за все эти пять лет.

— На свадьбу хоть позовешь? — хриплым шепотом спрашивает Сафонов, не делая попытки отстраниться.

— Не будет никакой свадьбы, — так же шепотом отвечаю я. — Хватит с меня. Правильно говорят, что хорошее дело браком не назовут.

— У нас было и хорошее, — негромко замечает он.

— Было, — честно признаю я, глядя бывшему мужу в лицо и вдруг замечая, что правый глаз у него весь красный.

Похоже на лопнувшие сосуды.

— Что у тебя с глазом? — спрашиваю я.

— Где?

— Здесь.

Я машинально касаюсь кончиком пальца его нижнего века.

Сафонов вздрагивает, и я тоже.

Запоздало соображаю, что он мне по сути чужой мужчина, и трогать без разрешения его нельзя. Тем более за лицо.

Но бывший муж никак это не комментирует, а просто говорит:

— Наверное, ледовая крошка под очки попала. Я и думаю,

почему глаз так чешется после катания. Сильно красный?

— Прилично, — подтверждаю я.

— И что теперь делать? — спрашивает Сафонов.

В его голосе звучит почти детская убежденность, что я обязательно знаю, как ему лечить его глаз.

Но самое бесячее даже не это, а то, что я ведь реально знаю.

Сафонов и медицина — вещи взаимоисключаемые. Если не считать той операции по лазерной коррекции зрения, которую он сделал в универе, мой бывший муж ни единого раза в жизни не пришел к врачам по доброй воле. Каждый раз его пинала я.

Он как тот мужик из анекдотов, который обращается за медицинской помощью только, когда копьё в спине спать мешает. Даже хуже. Потому что Сафонов и с копьём в спине пошел бы сначала не к врачам, а ко мне.

Вдруг в моей аптечке завалялась специальная противокопьевая мазь!

И то, что он спустя пять лет стоит около меня и наивно спрашивает, что ему делать, бесит до глубины души. Но одновременно задевает какую-то ностальгическую струнку внутри, от которой у меня внезапно перехватывает горло.

— Закапать надо, — говорю я резким каркающим голосом. Откашливаюсь и добавляю: — Чтобы конъюнктивита не было.

— Чем закапать? — серьезно спрашивает Сафонов.

— Антибактериальными каплями.

— Каплями, — глубокомысленно повторяет он, словно я ему Америку открыла.

Как будто он раньше и не знал, что в глаза капают капли, а не сироп от кашля.

Откровение прям!

— В аптеке спроси, — советую я. — Здесь же есть аптека. Или по крайней мере медпункт точно должен быть.

— Я не видел, — тянет он. — Ладно, поищу. Спасибо.

По его тону и взгляду я очень ясно и отчетливо понимаю: пиздит как дышит.

Ничего Сафонов не будет искать и покупать.

Зуб даю!

Смотрю вниз на наш стол. Рома уже ушел, но на его стул сдвинулся Женя. Андрей активно трудится с вилкой и ножом над куском мяса. Места для меня рядом с собой он так и не оставил.

Бросаю взгляд на свои фитнес-часы: обед еще полтора часа будет идти.

Времени вагон.

— Пошли, — со вздохом говорю я Сафонову.

— Куда?

— Ко мне в номер.

Глава 8.

— К тебе в номер? — Он многозначительно ухмыляется.

— А зачем?

— Ты debil, Сафонов? — устало спрашиваю я. — Капли взять для глаз, зачем еще? У меня в аптечке всякого добра навалом.

— А, точно, капли, — с секундной заминкой кивает он.

— Да не надо, Кать. Само пройдет.

Как же бесит его наплевательское отношение к своему здоровью!

— Пошли, — приказываю я. — Тебе бабы давать перестанут, если ты с одним глазом останешься.

— Не перестанут, — с азартом возражает бывший муж.

— Наоборот даже круче будет. Я куплю пиратскую повязку и всем буду говорить, что потерял глаз в страшном морском сражении.

Я тяжело вздыхаю.

Мужики вообще взрослеют?

— Сафонов, я серьезно: тут до конъюнктивита один шаг.

А с воспаленным глазом ты ни кататься нормально не сможешь, ни в монитор смотреть. Один раз закапаешь, и сразу лучше станет.

— А щипать будет? — строго спрашивает он.

Только я хочу ответить, что не будет, как до меня внезап-

но доходит: мы сейчас разговариваем так, как будто ничего не поменялось. Как будто никакого развода не было, и мы сейчас вместе стоим на нашей кухне. Саша привычно бурчит, что не хочет к врачу, а я его, как всегда, уговариваю, приводя миллион аргументов.

Наверное, это были одни из немногих моментов нашей жизни, когда муж позволял себе немного понять. В остальное время он был непробиваемым. Никогда не обсуждал со мной свои рабочие проблемы, никогда ни на что не жаловался.

Крепкий и устойчивый, как скала.

Правда, эмоциональный интеллект у него тоже был, как у скалы.

И был, и есть.

Я немного отстраняюсь от Сафонова и сухо говорю:

— Как хочешь. Мое дело предложить.

Он больше не мой муж.

Это не моя проблема, болит у него что-то или нет.

Он разберется с этим сам.

Или сам, или со своей Мариной.

Повисает пауза.

Сафонов откашливается и говорит ровным голосом:

— Ты права, лучше закапать. Буду рад, если ты одолжишь мне капли. У тебя седьмой этаж, да?

— Седьмой, все верно.

Мы поднимаемся к лифту, ждем его и заходим вместе в

кабинку. Никто из нас не говорит ни слова, и это молчание кажется ужасно неловким.

А путь до седьмого этажа просто бесконечным.

— Эм, а я вот Лизе вчера звонила, — с напускной бодростью говорю я, потому что уже не могу выносить эту тишину. — У нее все хорошо.

— А я ей сегодня звонил, — отзывается Сафонов. — Тоже сказала, что все хорошо.

— Это хорошо.

— Да. Хорошо.

На этом наш содержательный разговор затухает.

Через несколько неловких секунд лифт наконец доезжает до моего этажа, и я с облегчением выхожу из кабинки. Иду к своему номеру, слыша за спиной четкие уверенные шаги Сафонова.

Прикладываю карточку, дожидаясь короткого писка и тяну на себя дверь. Сафонов тут же придерживает ее, помогая мне, и мы почти одновременно шагаем в номер.

— Одноместный? — тут же спрашивает он удивленно.

— Ну да. А какой еще? — раздраженно спрашиваю я.

— А как же блондинчик? Спит за дверью на коврике?

— Хватит так его называть! Он вообще-то Андрей.

— Блондинчик Андрей?

— Сафонов, прекрати! — серьезно предупреждаю я. — Иначе я тебе второй глаз подобью. Сядь вот тут, сиди и не отвечивай. Понял?

— Тебя сложно не понять, — хмыкает Сафонов и приземляется на край кровати. — Четкие инструкции, внятная мотивация. Ты, наверное, и правда хороший руководитель проекта, Катя.

— Мне кажется, любая женщина, которая вырастила ребенка, может быть руководителем, — рассеянно сообщаю я, роясь в огромной косметичке с лекарствами. — Материнство отлично прокачивает многозадачность, логистику и умение решать конфликты. После того, как ты объяснил ревущей трехлетке, почему банан нельзя упаковать обратно в кожуру, для тебя уже нет ничего невозможного.

— А ты...

— Нашла! — радостно восклицаю я, поднимая вверх запечатанный пузырек с глазными каплями. — Знала, что они тут точно должны быть! Держи.

— Спасибо. — Сафонов вертит его в руках. — Кать...

— Что?

— А можешь ты мне закапать?

— Не налей, Сафонов, — предупреждаю я. — Ты большой мальчик, сам справишься.

Он опасливо смотрит на капли. Потом на меня.

— Пожалуйста! — очень искренне просит он. — Я реально боюсь себе эту фигню в глаз пихать. Надо прям внутрь, да?

Тяжело вздыхаю.

— Как ты выжил вообще один? — бурчу себе под нос.

— С трудом, — тихо говорит он.

Почему-то его слова звучат так, как будто он не шутит. Но я делаю вид, что ничего не услышала.

— Хорошо, — объявляю я и забираю у Сафонова капли.

— Но только один раз. Исключительно ради Лизы.

— При чем тут Лиза?

— Хочу, чтобы у нашей дочери был здоровый отец, а не одноглазый пират.

Я сажусь рядом с ним на кровать и команду:

— Клади голову мне на колени.

Это просто медицинская процедура. Ничего более.

Но почему-то когда я чувствую тепло и тяжесть его затылка на своих коленях, у меня перехватывает дыхание.

— Сейчас, — хрипло говорю я. — Открою и закапаю. Это будет быстро.

— Жаль, — бормочет он еле слышно.

Я сражаюсь с туго запечатанной крышечкой флакона, и в этот момент вдруг раздается громкий стук в дверь моего номера.

Я едва не подпрыгиваю на месте.

— Катя? — слышу я голос Андрея.

— Да, — глупо отзываюсь я.

— Это я. Открой.

Я в панике смотрю на ухмыляющееся лицо Сафонова, который вальяжно лежит у меня на коленях, потом перевожу взгляд на дверь, за которой стоит Андрей.

Какого черта? Он же только что на обеде сидел!

Зачем приперся да еще так не вовремя?

Что я сейчас должна делать?

Можно, конечно, открыть дверь и сказать Андрею правду: вот, мол, знакомься, это мой бывший муж, случайно встретились в отеле. Не подумай ничего такого, он просто зашел за каплями для глаз.

Но только есть одна проблемка: моя правда нихрена не похожа на правду! Больше напоминает тупую отмазку для наглой измены.

Есть и вторая проблемка, еще покруче: никто в компании, в том числе Андрей, не должен узнать, что Сафонов — мой бывший муж. Иначе меня просто уберут с этого проекта.

А я слишком многое в него вложила.

Все эти мысли пролетают в моей голове буквально за одно мгновение.

Может, затаиться, как будто меня тут нет?

А черт, я же уже откликнулась.

— Катя! — снова зовет Андрей. — Открой.

— Я не могу открыть! — кричу я и быстро зажимаю рот Сафонову, чтобы он не вздумал его открыть и что-нибудь ляпнуть. — Я голая.

Бывший муж фыркает мне в ладонь, а за дверью воцаряется изумленное молчание.

— Ну и что? — через паузу спрашивает Андрей.

Блин, он же меня видел голой.

Мы же спим вместе.

Отмазка не прокатила.

— Я боюсь, что кто-нибудь меня увидит! — кричу я, а сама панически оглядываю номер.

Он, как назло, очень маленький и очень пустой.

Спихиваю с колен Сафонова и быстро заглядываю под кровать.

Нет, туда нереально залезть. Слишком мало места.

— Катя, тут никого нет в коридоре, — раздраженно говорит Андрей. — Никто тебя не увидит.

— Я все-таки оденусь, подожди! — кричу я.

Показываю Сафонову на ванную, но он мотает головой и показывает на входную дверь.

Блин, он прав. Вдруг Андрей захочет руки помыть или ему понадобится использовать туалет по его прямому назначению.

Короче, в ванной Сафонова не спрячешь.

Слишком опасно.

Мой взгляд падает на шкаф.

Точно! Миллионы анекдотов не будут врать — место реально надежное.

Я хватаю бывшего мужа за руку и тащу туда. Открываю дверцу, сгребаю все вещи, которые уже успела развесить, и вместе с вешалками швыряю их на кровать.

— Одеваюсь! — ору я, запихивая в шкаф охреневшего Сафонова. — Уже почти!

— Кать, ты ебанулась? — выдыхает он растерянно. — Я туда не влезу.

— Влезешь.

Каким-то невообразимым образом я упаковываю в это маленькое пространство плечистого Сафонова, хотя для этого ему приходится сложиться буквально втрое.

— Сиди тут, — шиплю я. — И молчи. Ни звука!

Захлопываю дверцу, вижу стоящие у порога гигантские кроссовки бывшего мужа, быстро хватаю их и сую в свой чемодан, прикрыв вещами.

Уф. Вроде все.

Делаю глубокий вдох, приглаживаю ладонями волосы и иду открывать. Сердце у меня колотится, как у перепуганного зайца.

Господи, мне сорок лет! Что я творю?

Люди в этом возрасте уже внуков нянчат. Остепеняются, розы разводят, домашние соленья закатывают.

А я прячу в шкафу своего бывшего мужа. От своего нынешнего любовника.

Капец какой-то.

— Привет, Андрей, — говорю я, открыв дверь, и вдруг фыркаю от истеричного приступа смеха.

Звучит как начало известной песни.

Стоящий на пороге Андрей моего веселья не разделяет.

— Что смешного? — сухо спрашивает он, заходя в номер и закрывая за собой дверь.

— Привет, Андрей, ла-ла-ла, — напеваю я, — привет, Андрей, ну где ты был, ну обними меня скорей!

Но лицо у него остается серьезным.

Он что, не знает эту песню?

— Я был на обеде, — говорит Андрей, и в его тоне явно звучит обида. — Ждал тебя. А ты не пришла. На сообщения тоже не отвечаешь. Я думал, что-то случилось.

— А... ты меня ждал... — Я растерянно перевожу взгляд на гору одежды на кровати, потом ловлю свое отражение в зеркале. Юбка в обтяжку, красивый свитер, каблуки, которые я так и не сняла. — Ну да. Просто... понимаешь...

Боже, мозг, работай, пожалуйста!

Ты мне сейчас очень нужен!

— Ты нарядилась? — вдруг спрашивает Андрей, нахмурясь. — Почему?

Я моментально цепляюсь за это.

— Слушай, да, нарядилась. Прости, что так долго. Понимаешь, я просто очень долго искала, что надеть на обед. Никак не могла решить, в чем буду лучше выглядеть. Очень хотелось быть красивой.

Голубые глаза Андрея вдруг вспыхивают чисто мужским самодовольством.

Хмурый лоб разглаживается, а на лице появляется игривая улыбочка.

— Красивой? — спрашивает он томным голосом первого жеребца на деревне. — Для меня?

И в этот момент со стороны шкафа раздается скрип.

Глава 9.

Мое сердце уходит в пятки.

Андрей настороженно замирает, крутит головой, но я не даю ему сообразить, что это был за звук.

Вместо этого я очень громко и очень эмоционально восклицаю:

— Ну конечно я хочу быть красивой для тебя! Все для тебя! А теперь пойдем скорее на обед.

Мой расчет прост: если мы уйдем из номера, Сафонов тоже сможет потом незаметно смыться. И никакой проблемы не возникнет.

Но у Андрея совсем другие планы.

Он жадно смотрит на мой вырез и чуть ли не облизывается.

— Ммм, — тянет сладким голосом. — Обед — это хорошо, а то я, кажется, проголодался.

— Ты же только что ел, — опускаю я его на землю.

— Ну и что? Я не отказался бы от десерта, — мурлычет он и подступает ко мне с вполне определенными намерениями.

Вот же блин!

Когда надо, от Андрея не дождешься. Он то устал, то спать хочет, то настроения нет.

А когда вообще — вот совсем вообще! — не надо, то получите-распишитесь! В нем, видите ли, самец пробудился.

— Десерты есть вредно, — заявляю я и машинально ко-
шусь на живот Андрея.

У него, конечно, не пузо, но и не кубики, как у моего быв-
шего мужа.

На прессе Сафонова можно было бы белье стирать. Вме-
сто доски.

Вот как так получается, что мой бывший муж старше мо-
его любовника на десять лет, а физически выглядит лучше
него?

Нечестно, блин.

— Не бойся, у меня будет очень полезный для фигуры
десерт, — подмигивает Андрей и причмокивает губами. —
Полезный, вкусный и очень сладкий. Иди ко мне, Катюш.
Хочу попробовать твои дыньки.

У меня вспыхивают щеки от этого безумного, как говорит
моя Лиза, кринжа.

Боже, ну почему как debil ведет себя Андрей, а стыдно
при этом мне?

Может, потому, что все это слышит Сафонов?

Слышит и ржет там, наверное, втихаря.

У нас с ним никогда не было таких идиотских прелюдий.
Никаких «а чья это ножка» или «а кто тут у нас такой вкус-
ный». А еще мы никогда не называли части нашего тела ту-
пыми эвфемизмами.

Никаких, прости господи, дынек, бубенчиков, кисок, пе-
щер любви и одноглазых змеев.

Никакой чуши.

Даже в восемнадцать.

— Еще раз назовешь мою грудь дыньками, и ты ее никогда больше не увидишь, — мрачно предупреждаю я.

— Ты чего такая злая? — хмурится Андрей. — Я же просто...

Тут из шкафа раздается странный звук. Как будто кто-то сдерживает то ли кашель, то ли смех.

У меня внутри все обрывается.

Господи, что же делать?

Меня спасет только внезапная глухота моего любовника.

— Что это было? — напрягается Андрей. — Кать, ты слышала?

Ясно. Глухота не спасет.

Если я хотела плохо слышащего мужика, надо было брать в любовники того, кто старше меня на десять лет, а не младше.

Внезапно мне в голову приходит идея.

— Конечно, слышала! — возмущенно вскрикиваю я и подлетаю к стене, около которой стоит шкаф. — Бесит, правда?

Стучу в стену кулаком.

— Отвратительная слышимость, — продолжаю бушевать я. — Кто строил этот отель? Такое чувство, что люди из соседнего номера буквально находятся тут. Все звуки слышно. И кашель, и смех, и чихание. Про туалет я вообще молчу!

— Ого, — хмурится Андрей. — Ничего себе, как не повезло. У меня вроде нормально. Можем жалобу администратору написать.

— Ой да ладно, — машу я рукой. — Мы и так тут бесплатно отдыхаем. Давай не будем наглеть.

— Можешь ко мне переехать, — тут же предлагает Андрей. — Я в номере один.

— Почему один? Ты же с Максимом живешь.

— А он сказал, что у Златы будет ночевать. Они с Нового года мутить начали.

— Надо же, не зря он ее обнимал, — бормочу я, вспоминая комментарий Сафонова насчет моих коллег.

— Так что? — не дает себя сбить с темы Андрей. — Переночуешь сегодня у меня? — Его голос становится низким и вкрадчивым. — Обещаю: сделаю тебе очень хорошо. Вылижу твою...

В шкафу что-то с грохотом падает. Кажется, вешалка. Или полка.

Андрей меняется в лице.

Теперь он совершенно определенно смотрит на шкаф.

— У тебя там точно кто-то есть, — дрогнувшим голосом говорит он.

«Все, — с кристальной ясностью понимаю я. — Пипец. Приплыли».

— Слушай, — бормочу я. — Тут просто так получилось...

— Мышь, — продолжает Андрей, не сводя со шкафа на-

пряженного взгляда. — Или даже крыса.

От облегчения я едва не ору в голос.

— Надо открыть и посмотреть, — говорит он и делает два осторожных шага к шкафу.

— Нет! — вырывается у меня.

— Нет?

— К черту мышей и крыс, иди ко мне, я так тебя хочу! — почти выкрикиваю я и страстно засасываю Андрея прямо в метре от моего бывшего мужа.

Андрей сначала растерянно замирает, а потом обхватывает меня руками и включается в дело. А я вдруг чувствую вибрацию на часах. Продолжая целоваться, поднимаю руку и вижу сообщение. От Сафонова.

«если через минуту он отсюда не свалит, я...»

Остальной текст не влез в экран.

Но я и так догадываюсь, что там дальше.

Ничего хорошего.

И как я должна сейчас выгнать Андрея из своего номера?

Сафонов как всегда... Умри, но сделай.

Вечно от него одни проблемы.

Кидаю яростный взгляд на шкаф — но шкафу, естественно, на это пофиг. Как и Сафонову, который прячется внутри.

Я резко разрываю поцелуй и для надежности упираюсь руками Андрею в грудь.

— Слушай, — говорю я, уворачиваясь от его настырных губ. — Давай не сейчас.

— Ммм...

— Андрей! — Я толкаю его. — Вечером продолжим. Ты меня слышишь?

— Не-а, — бормочет он, жадно поглаживая мою спину. — Я не доживу до вечера. Сама меня завела, а теперь... — Он томно вздыхает. — Катя-Катя, вот как ты так умеешь? Богиня, королева, никто из девчонок рядом с тобой и близко не... Ну поцелуй меня! Катя!

— Андрей, я серьезно. Настроение уже не то. — Я бочком отодвигаюсь от него, но Андрей, как привязанный, следует за мной. — Пожалуйста. Давай потом. Мне надо отдохнуть. У меня...

Часы снова настойчиво вибрируют.

«30 сек — и я выйду»

Меня кидает в холодный пот.

Сафонов охренел?! Он вообще соображает, чем это нам грозит?

Чем это МНЕ грозит?

Андрей в целом мирный, но только до тех пор, пока не заденешь его самолюбие.

Он ведь не станет молчать. Он всем-всем расскажет, что я изменяла ему со своим бывшим мужем, который — ну надо же, какое совпадение! — наш новый начальник.

После такого я вообще не смогу здесь работать.

Никем. Даже уборщицей.

— Катя... — нежно шепчет Андрей, который успел ко мне

подобраться. — Катенька...

— Живот! — резко ору я и для верности хватаюсь обеими руками за пояс юбки. — Очень болит живот! Ай, как больно!

Андрей отшатывается.

— Врача? — неуверенно бормочет он.

— Не надо врача. Мне надо в туалет. Срочно! Счет идет на секунды! — очень искренне воплю я, подпихивая Андрея к двери.

Счет ведь и правда идет на секунды.

Еще немного, и из шкафа вылезет бабайка, то есть Сафонов.

Ох лучше бы бабайка!

— Я могу тебя тут подождать... — делает последнюю попытку Андрей.

— Нет! — рывкаю я и одним уверенным толчком выставлю любовника за порог. — Я стесняюсь.

Захлопываю дверь, стараясь не смотреть на растерянное лицо Андрея и на его обиженные голубые глаза.

Как у ребенка конфетку отобрала, честное слово.

— Напиши потом, — раздается его голос из коридора.

— Напишу, — сдавленно обещаю я, прислушиваясь к тому, что происходит за дверью.

Судя по звукам, Андрей какое-то время топчется около моего номера, но потом шаги удаляются. Услышав звук лифта, я облегченно выдыхаю.

Ушел.

Ушел...

— Выходи, — почти миролюбиво говорю я.

Раздается треск, дверца шкафа распахивается, повисает на одной петле, и оттуда появляется Сафонов. Взырошенный, весь в какой-то пыли, с разодранной на плече рубашкой.

Злой как черт.

— Ну что, — говорит мой бывший муж тем самым надменно-невыносимым тоном, который у него бывает только, когда он в бешенстве. — Ушел этот твой дегустатор фруктов?

Я моментально зверею.

На смену облегчению приходит ярость, холодная и острая, похожая на клинок. Клинок, который хочется вонзить в одну очень конкретную спину.

— Не смей, — предупреждаю я его злобно. — Вот просто даже не смей раскрывать свой рот на эту тему.

— То есть ему, значит, можно твою грудь дыньками называть, а я должен молчать? — прищуривается Сафонов.

— Именно так! — выплевываю я.

— Ты устраиваешь этот цирк, заставляешь меня все это слушать...

— Я не заставляла. Это ты! — Для убедительности тычу пальцем ему в грудь. — Ты сам во всем виноват!

— Я? То есть я притащил в твой номер этого обсоса?

— Выбирай выражения! — рычу я. — Это вообще-то

мой...

Мой кто?

Почему-то у меня язык не поворачивается произнести при бывшем муже слово «любовник».

Тогда кто мне Андрей? Партнер? Парень?

Все это одинаково ужасно звучит.

— Мой бойфренд, — наконец цежу я сквозь зубы.

Сафонов издевательски смеется, и мне на полном серьезе хочется приложить его стулом.

— Что смешного? — рявкаю я. — Слово незнакомое? Так давай переведу: кавалер, молодой человек, любимый, жених... Так понятнее?

Сафонов давится своим же смехом, затихает и меняется в лице.

Челюсти яростно стискиваются, а во взгляде вспыхивает отчетливое желание убивать.

— Почему. Я. Должен. Был. Слушать. Как. Этот. Пиздюк. Лапает. Мою. Жену?! — чеканит он каждое слово, как будто гвозди вбивает в стену.

— Так заткнул бы уши и подумал о вечном, — парирую я. — И к тому же, я не твоя жена, Сафонов. Уже пять лет, как не твоя.

— Ну и что?!

Действительно.

Подумаешь, развелись.

— Я свободная женщина! Поэтому официально могу де-

лать, что хочу и с кем хочу.

— Но совесть-то все равно надо иметь! — кипит от ярости Сафонов. — Ты должна была его выгнать!

— Я его и так выгнала вообще-то.

— Ты его поцеловала! При мне!

— А что мне было делать? — почти ору я. — Он шел к шкафу!

— Да что угодно, только не целовать!

Я вдруг замираю.

Гнев улетучивается мгновенно, как будто его ветром выдуло в форточку.

— Саш, — спрашиваю я осторожно. — Ты ревнуешь что ли?

— Да! — выплевывает Сафонов с злым и одновременно очень несчастным видом. — Да, блядь!

А потом широкими шагами выходит из моего номера и с такой силой хлопает дверью, что с потолка осыпается штукатурка.

— Бред, — выдыхаю я и устало падаю на кровать, но мне в плечо что-то вливается.

Нашариваю пальцами — это оказывается забытый бутылёк с лекарством.

Смеюсь тихим, почти идиотским смехом.

Ведь глаз мы Сафонову так и не закапали.

Глава 10.

Через два дня, за которые мы с Сафоновым умудряемся ни разу не повстречать друг друга, Виталья зовет всю нашу команду в маленький конференц-зал. Он на последнем этаже нашего отеля.

Я уже знаю, какую новость Виталья планирует нам сообщить, и заранее напряжена. А вот остальные ребята находятся в режиме отпуска — расслабленно развалились на стульях и ржут над тупыми шутками Максима. Он у нас в команде главный клоун.

Андрей сидит рядом со мной и играет на телефоне в какие-то цветные шарики.

Весь позавчерашний день он ходил обиженный, что я его выставила из своего номера, но потом отошел, и вчера мы даже покатались на сноубордах. Второй раз было уже проще, но мышцы сегодня у меня болят адски.

Я чувствую их даже там, где их, по идее, вообще не должно быть.

Странно, что, пока мы катались, я не встретила бывшего мужа. Или он на какой-то другой трассе был?

— Хотите прикол? — снова орет Максим, ловя взгляд Златы. — Я тут подумал...

— Народ! — резко перебивает его Виталья. Он встает во главе стола и нервно одергивает толстовку с логотипом на-

шего стартапа. — Послушайте меня, ладно? Я хотел вам... О, Александр. Здравствуйте! Я думал, вы позже подойдете.

Все головы наших ребят поворачиваются в сторону двери, одна я сижу ровно. Нет смысла — я прекрасно знаю, кто там стоит.

А я так надеялась, что Виталя его не позовет.

— Здравствуйте, — раздается низкий звучный голос Сафонова. — Мне подождать за дверью?

В последнем вопросе слышится легкая ирония, потому что, конечно же, никто не будет держать в коридоре топ-менеджера его уровня.

— Нет, что вы, — быстро говорит Виталя, — проходите, конечно. Просто я думал начать раньше и сначала сказать им, а потом уже вас представить, но...

— Тогда я тоже послушаю, — замечает Сафонов и садится на свободный стул. Прямо напротив меня.

Он тоже, как и все здесь, одет скорее по-спортивному, но на нем почему-то даже белая толстовка и джинсы выглядят элегантно. Или дело в ауре абсолютной уверенности, которую он излучает?

Наши взгляды встречаются, но на спокойно-равнодушном лице бывшего мужа не дергается ни один мускул.

Пока я гадаю, стоит ли мне с ним поздороваться, или наоборот не надо, Виталя уже начинает говорить.

— Ребят, в декабре случилось одно важное событие, которое готовилось давно. Наш стартап и всю нашу команду

купил «Аксис».

Андрей поднимает голову от своего телефона и растерянно смотрит на меня.

— Чего? — бормочет он.

— Тихо, — одергиваю я его и заодно всех остальных, которые тоже начинают шуметь.

— Теперь мы часть их компании. Руководить нами тоже будут они, но это нормальный процесс. Значит, мы правда сделали офигенный продукт, если смогли заинтересовать «Аксис», — Виталя криво улыбается, явно пытаясь всех подбодрить. — До Нового года я уже дважды виделся с топ-менеджером, который будет курировать нашу команду, но совсем не ожидал, что мы встретимся с ним еще и тут, на отдыхе. Это Александр Сафонов, вот он.

Мой бывший муж холодно кивает в ответ на нестройное «Здрасьте».

— Большое ему спасибо, что он согласился встретиться с нами в неформальной обстановке и ответить на некоторые вопросы. Александр, вам слово.

Сафонов даже не встает со своего места, он просто поднимает голову и обводит всех таким взглядом, что шепотки смолкают, телефоны сами собой откладываются в сторону, а все глаза устремляются на него.

— Мы сейчас не на работе, — говорит Сафонов и чуть приподнимает уголок рта в намеке на улыбку. — Поэтому не ждите от меня каких-то речей, я просто обрисую перспекти-

вы.

Какое-то время он говорит о принципах «Аксиса», о карьерных возможностях, которые могут быть, и о планах корпорации на развитие нашего приложения.

Все слушают как замороженные, а я против воли люблюсь тем, как хорош Сафонов в роли руководителя. Любуюсь и злюсь одновременно — мне такой не стать примерно никогда.

Я не умею ТАК разговаривать с людьми.

— А что по деньгам? — уточняет Леша, когда Сафонов заканчивает свой рассказ.

— Зарплаты пока остаются такими, как и были, — без колебаний отвечает он, — дальнейший пересмотр будет в апреле. И еще: ваш офис будет работать только в январе, потом его закроют. Для «Аксис» нет смысла в дополнительной аренде, помещений у нас хватает. Кто-то из вас останется на удаленке, кто-то переедет в наше основное здание.

— Например, кто? — влезает Женя.

Сафонов снисходительно усмехается, и от этого вопрос сразу кажется глупым.

— Я же говорил: мы сейчас не на работе, и у меня нет никаких документов под рукой. Я понятия не имею, кто из вас чем занимается, и как именно будет распределена команда. Могу сказать только, что мне однозначно нужно будет присутствие в офисе Кати как начальника проекта.

Я вздрагиваю.

Теперь все смотрят на меня. Андрей хмурится, в его голубых глазах читается немой вопрос «вы что, знакомы?»

— Но Виталя... — хрипло говорю я, откашливаюсь и продолжаю: — Но Виталий же начальник всего проекта. Я просто руковожу командой.

— Катя... — смущенно начинает Виталя.

А Сафонов одновременно с ним говорит:

— Виталий не остается в проекте.

— Что?! — выдыхаю я.

— Ты шутишь, блядь? — хмуро спрашивает Леша.

Мой начальник (или уже бывший начальник?!) неловко горбится и сует руки в карманы.

— Мне тут уже нечего делать, ребят. Я давно хотел начать что-то новое, а тут так все хорошо сложилось. Для нашего приложения «Аксис» — лучший вариант, а для меня не очень. Работа в корпорациях вообще не мое. К тому же мы с семьей планируем переезжать в Сербию.

— А за главного, значит, ты оставляешь меня, — мрачно говорю я.

— Ты справишься, — уверенно говорит Виталя.

Легко ему говорить!

Я нервно кручу в пальцах веревочку от кофты и машинально смотрю на Сафонова. Он едва заметно кивает, в его взгляде есть неожиданное сочувствие, которое меня странным образом успокаивает.

— Народ, я хотел вам сказать, — прочувственно начинает

Виталю, — вы даже не представляете, что для меня значил наш стартап. И как сильно я благодарен вам за эти годы...

— Если ко мне больше вопросов нет, я, пожалуй, пойду, — перебивает его Сафонов и встает. — До встречи в офисе с некоторыми из вас.

— Только с некоторыми? — чуть кокетливо спрашивает Злата.

— Именно, — холодно подтверждает Сафонов. — Чисто в рамках дружеского совета: тестировщикам и дизайнерам лучше начинать искать новую работу. Таких специалистов у нас достаточно, и вас скорее всего не оставят. Хорошего вечера, коллеги.

Он разворачивается и уходит.

В конференц-зале повисает нехорошая тишина.

— Какой мерзкий мужик, — говорит мне Андрей, провожая Сафонову хмурым взглядом. — Откуда ты его знаешь, Катя?

— Откуда я его знаю? — эхом откликаюсь я, тоже глядя в спину своему бывшему мужу. — Эм... По работе.

— И что, прям работали вместе? — недоверчиво спрашивает Андрей.

— Прям работали, — сухо подтверждаю я.

— И что, как оно? Он и на работе ведет себя как мудака? Или это чисто для нас было представление?

Женя рядом фыркает, Макс смешливо хрюкает, Злата тоже издает тоненький смешок, и меня вдруг это выбешивает

до белого каления.

Да, Сафонов — отвратительный муж. Да, последние годы с ним было невыносимо.

Да, он мне изменил.

Но, блин, он отличный специалист. Раз в десять лучше всей нашей команды, вместе взятой.

Пусть сначала дорастут до его уровня, а потом рот открывают.

Я резко поворачиваю голову и смотрю на Макса, Злату и Женю ровно таким же взглядом, как я смотрела на свою дочь, когда она творила фигню. Например, когда вспоминала в десять вечера про завтрашнюю поделку в школу или теряла в пятый раз сменку.

Смех у моих коллег как по волшебству смолкает.

Я удовлетворенно киваю, разворачиваюсь к Андрею и с опасной сладкой улыбочкой тяну:

— Значит, как мудак?

— Ну.

— А что, прости, такого мудацкого ты увидел в его поведении?

— Кать, ты серьезно сейчас? — кривится Андрей. — Да он же типичный босс с гигантским самомнением. Он нас реально за людей не считает. Говорит, знать вас не знаю и вообще, валите искать новую работу. Корона ему там не жмет, интересно?

— И в чем он был неправ? — спрашиваю я, уже не сдер-

живая злости. — Он и правда нас не знает. И да, я, может, открою тебе и всем нам глаза, но, Андрюш, это бизнес. Не благотворительная организация и не кружок по интересам.

— Знаешь, Катя, тебе хорошо говорить, — дует губы Злата. — Тебя-то не увольняют.

— *Покане* увольняют, — с нажимом возражаю я. — Вообще не факт, что я соответствую уровню «Аксиса». Может, в первый же день накосячу и пойду с вещами на выход.

— Ты «может», а я точно пойду! — обиженно восклицает она. — Этот мужик так сказал! Все настроение мне, блин, испортил.

Я закатываю глаза так сильно, что удивительно, как они не проваливаются внутрь черепа.

— Злат, ты как ребенок, честное слово. Лучше было бы узнать об увольнении через пару недель, правда? Когда ты ни денег не отложила, ни резюме не отправила. Зато настроение было бы супер, так?

Она насупленно отворачивается.

— Скажи спасибо, — продолжаю я, распаляясь, — что он в принципе поделился с нами этой информацией. Мог бы промолчать или вообще не приходить, у него так-то тоже отпуск.

— Катя права, — влезает молчавший до этого Виталия. — Александр сделал для нас гораздо больше, чем должен был. Может, он был немного резковат, но это просто такая манера. — Он тяжело вздыхает. — В корпорациях свои правила,

понимаете?

— Зачем ты нас продал? — хмуро спрашивает Леша. — Может, мы тоже не хотим в корпорацию. А теперь у нас выбора нет.

— У нас очень узкий продукт, — неохотно говорит Виталья. — Еще год, максимум два, и нас бы сожрал какой-нибудь агрегатор. А так приложение будет под крышей «Аксиса». Будет развитие, будет работа, будут деньги. Плюс вы окажетесь в их штате, вас смогут потом поставить на другие проекты, повысится... А еще это совсем другого уровня строчка в резюме, сечете?

Ребята изумленно присвистывают. Макс и Рома даже переглядываются с улыбками.

До них, кажется, начинает доходить, что изменения не всегда зло. Будут и плюсы.

— И все равно, — упрямо возражает Злата. — Жалко, что все так заканчивается. Еще и ты уедешь.

— Да, Виталь, — поддерживает ее хмурый Леша. — Без тебя будет фигово. Вся команда поломается.

— Нет, не поломается. Катя справится с вами, — уверенно говорит Виталья. — Я только что в этом убедился.

— В чем ты, блядь, убедился? — вдруг зло спрашивает Женя. — В том, что она умеет лизать жопу новому начальству? Так мы все в этом убедились.

Повисает тишина.

Я судорожно сглатываю. Горло сжимается от обиды и рас-

терянности.

Обычно я не пасую перед хамами, но когда это хамство идет от самых близких... От коллег, с которыми мы все пять лет работали плечом к плечу...

Нет, я понимаю, что Женя — дизайнер, понимаю, что ему страшно терять работу, но черт.

Должны же быть какие-то рамки.

— Извинись, — глухо приказывает Виталя. — Немедленно.

— За правду не извиняются, — огрызается тот.

— Женя, — с напором произносит Леша.

Кажется, еще что-то говорит Рома, а может, Макс, но я их не слушаю. Я смотрю на Андрея.

Он почему-то не торопится за меня заступиться.

А ведь именно от него я бы ждала этого в первую очередь.

— Не хочешь ничего сказать? — напряженно спрашиваю я.

— Кать, успокойся, — вздыхает Андрей. — Ну ты правда перегнула с этим начальником. Как будто мы для тебя никто, а он...

Ярость резко толкается кровью в виски.

— Да пошли вы все нахер! — резко выплевываю я. — Причем ты первый.

Круто разворачиваюсь, распахиваю ногой дверь и выбегаю из конференц-зала, иначе просто позорно разревусь на виду у всех.

Рева-корова какая-то, а не тимлид.

Я пролетаю по длинному коридору, заворачиваю за угол к лифту и впечатываюсь — в Сафонова.

Прямо грудью в грудь.

Он подхватывает меня и машинальным, до боли знакомым жестом прижимает к себе. В нос ударяет теплый запах его тела и терпкий кожно-дымный парфюм.

— Ты что? — удивленно спрашивает он.

Я упираюсь лбом в грудь бывшего мужа, сдерживая слезы. Нельзя, чтобы он увидел меня такой. Он не должен заметить мою слабость, не должен сомневаться в моей способности управлять проектом.

Делаю несколько глубоких вдохов, усилием воли загоняю слезы обратно и уже хочу сказать что-то легкое и язвительное, но вдруг слышу голос Андрея.

— Катя! Кать, вернись.

Я резко дергаю головой и едва не взываю от короткой обжигающей боли.

Я не могу оторваться от Сафонова. Я умудрилась зацепиться волосами за молнию на его гребаной толстовке!

— Катя! — Голос Андрея приближается.

От паники я едва могу дышать.

Если он сейчас увидит нас вместе, в этой двусмысленной позе, сцепленных...

Это будет кошмар. Это будет конец.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.